

ЭМЕРСОН ХАФ

КРЫТЫЙ ФУРГОН

ДИКИЙ ЗАПАД

КАРАВАН ПРЕРИИ

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЭПИЧЕСКОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ
ПОСЕЛЕНЦЕВ ПО ОРЕГОНСКОЙ ТРОПЕ

Лучшие вестерны XX века

Эмерсон Хаф

Крытый фургон

«Автор»

2026

Хаф Э.

Крытый фургон / Э. Хаф — «Автор», 2026 — (Лучшие вестерны XX века)

1848 год. По Орегонской тропе — через прерии, броды горных рек и земли равнинных племён — на дикий Запад трогаются тысячи фургонов. Две тысячи миль до новой земли, и ни одна миля не даётся даром. Среди переселенцев — майор Уилл Банион, ложно обвинённый в растрате и с позором изгнанный из армии, и гордая красавица Молли Уингейт, разрывающаяся между чувством к нему и словом, данным его сопернику — расчётливому Сэму Вудхулли. Рядом — легендарные проводники Джим Бриджер и Кит Карсон, чьи имена подлинны, как и сам маршрут. Караван встречает осады воинственных племён, отчаянные переправы через ледяную воду, степные пожары и предательство внутри собственных рядов. А на полпути их настигает весть, способная перечеркнуть всё, ради чего они шли: в Калифорнии нашли золото — и не всякий выдержит искушение свернуть. Книга, по которой в 1923 году сняли культовый немой фильм, задавший канон вестерну. История о цене, которую платят за путь на Запад — любовь, честь и право начать жизнь заново.

© Хаф Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Карта тропы	7
От переводчика	8
Персонажи	9
Уилл Банион	9
Молли Уингейт	10
Джесси Уингейт	11
Билл Джексон	12
Сэм Вудхулл	13
Кит Карсон	14
Крытый фургон	15
ГЛАВА I. МОЛОДОСТЬ ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД	15
ГЛАВА II. НА КРАЮ СВЕТА	21
ГЛАВА III. МЕСТО СБОРА	23
ГЛАВА IV. ЛИХОРАДКА НОВЫХ УДАЧ	28
ГЛАВА V. ЧЁРНЫЙ ИСПАНЕЦ	31
ГЛАВА VI. ВЫЗОВ БРОШЕН	34
ГЛАВА VII. ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ	36
ГЛАВА VIII. ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА	39
ГЛАВА IX. ЗВЕРЬ	43
ГЛАВА X. СТАРЫЙ МИССУРИ	46
ГЛАВА XI. КОГДА ВЕСЬ МИР БЫЛ МОЛОД	48
ГЛАВА XII. ПОВЕСТЬ МЁРТВЫХ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эмерсон Хаф

Крытый фургон

Оглавление

[Карта тропы](#)

[От переводчика](#)

[Персонажи](#)

[Крытый фургон](#)

[ГЛАВА I. МОЛОДОСТЬ ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД](#)

[ГЛАВА II. НА КРАЮ СВЕТА](#)

[ГЛАВА III. МЕСТО СБОРА](#)

[ГЛАВА IV. ЛИХОРАДКА НОВЫХ УДАЧ](#)

[ГЛАВА V. ЧЁРНЫЙ ИСПАНЕЦ](#)

[ГЛАВА VI. ВЫЗОВ БРОШЕН](#)

[ГЛАВА VII. ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ](#)

[ГЛАВА VIII. ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА](#)

[ГЛАВА IX. ЗВЕРЬ](#)

[ГЛАВА X. СТАРЫЙ МИССУРИ](#)

[ГЛАВА XI. КОГДА ВЕСЬ МИР БЫЛ МОЛОД](#)

[ГЛАВА XII. ПОВЕСТЬ МЁРТВЫХ](#)

[ГЛАВА XIII. ДИКИЙ ОГОНЬ](#)

[ГЛАВА XIV. ПОЦЕЛУЙ](#)

[ГЛАВА XV. РАЗДЕЛЕНИЕ](#)

[ГЛАВА XVI. РАВНИНЫ](#)

[ГЛАВА XVII. ВЕЛИКИЙ ЛАГЕРЬ](#)

[ГЛАВА XVIII. СТРЕЛА И ПЛУГ](#)

[ГЛАВА XIX. БАНИОН ИЗ КОЛОННЫ ДОНИФАНА](#)

[ГЛАВА XX. БИЗОНЫ](#)

[ГЛАВА XXI. ЗЫБУНЫ](#)

[ГЛАВА XXII. ТАЙНА ДВОИХ](#)

[ГЛАВА XXIII. ПЕРЕМИРИЕ](#)

[ГЛАВА XXIV. ДОРОГА НА ЗАПАД](#)

[ГЛАВА XXV. СТАРЫЙ ЛАРАМИ](#)

[ГЛАВА XXVI. ПЕРВОЕ ЗОЛОТО](#)

[ГЛАВА XXVII. ДВОЕ, КТО ЛЮБИЛ](#)

[ГЛАВА XXVIII. КОГДА ДЕВУШКА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ](#)

[ГЛАВА XXIX. РАЗРУШЕННАЯ СВАДЬБА](#)

[ГЛАВА XXX. ТАНЕЦ В ПУСТЫНЕ](#)

[ГЛАВА XXXI. ХАУ, КОЛА!](#)

[ГЛАВА XXXII. БОЙ У БРОДА](#)

[ГЛАВА XXXIII. СЕМЬИ ИДУТ!](#)

[ГЛАВА XXXIV. ДЕЛО ДРУЖБЫ](#)

[ГЛАВА XXXV. ЦОБ — ТПРУ — ЦОБЕ!](#)

[ГЛАВА XXXVI. ДВА ЛЮБОВНЫХ ПИСЬМА](#)

[ГЛАВА XXXVII. ДЖИМ БРИДЖЕР ЗАБЫВАЕТ](#)

[ГЛАВА XXXVIII. КОГДА ПАЛИ СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ](#)

[ГЛАВА XXXIX. ПЕРЕПРАВА](#)

[ГЛАВА XL. ОРЕГОН! ОРЕГОН!](#)

[ГЛАВА XLI. ТАЙНЫ СЪЕРРЫ](#)

[ГЛАВА XLII. КИТ КАРСОН СКАЧЕТ](#)

[ГЛАВА XLIII. УБИЙЦА УБИТ](#)

[ГЛАВА XLIV. И ВСЁ Ж, БУДЬ ЛЮБВИ НЕДОСТАТОК](#)

[ГЛАВА XLV. СВЕТ ВСЕГО МИРА](#)

[Бонусы](#)

[Бонус 1. Глоссарий](#)

[Бонус 4. Азбука Орегонской тропы](#)

Карта тропы

Маршрут от Индепенденса до долины Уилламетт

От переводчика

Роман «Крытый фургон» вышел в 1922 году и почти сразу стал одной из самых читаемых книг о покорении американского Запада — по нему уже в 1923-м сняли эпохальный немой фильм, задавший визуальный канон всем последующим вестернам: цепочку белых полотняных тентов, ползущую через бескрайнюю прерию.

Автор, Эмерсон Хаф, не был кабинетным сочинителем. Он объездил Дальний Запад ещё тогда, когда живы были люди, своими глазами видевшие Орегонскую тропу, и относился к материалу не как романист, а как летописец: имена фортов, даты, маршруты, даже цены на муку в 1848 году в его книге исторически точны. На страницах романа рядом с вымышленными героями появляются вполне реальные фигуры эпохи — разведчики Джим Бриджер и Кит Карсон, — и это не литературный приём, а дань уважения людям, которые в это самое время действительно водили караваны через континент.

Год, выбранный автором для действия романа, — не случаен. 1848-й — это последний год перед золотой лихорадкой, тот самый исторический стык, когда пшеница и плуг ещё спорили за душу переселенца с внезапно открывшимся золотом Калифорнии. Хаф застаёт Америку в момент выбора между двумя путями на Запад — трудовым и азартным, — и именно это напряжение движет сюжетом не меньше, чем судьба его героев.

При переводе я старался сохранить главное качество оригинала — его физическую достоверность. Хаф пишет прерию и пустыню не как декорацию, а как действующее лицо: у него есть голос ветра, гулкая поступь воловьих упряжек, распорядок дня каравана, вплоть до команд погонщиков и утренних сигналов горна. Я по возможности сохранял этот ритм движения — короткие, ударные реплики предводителей, монотонный говор возчиков, — потому что именно в нём, а не только в сюжете, и заключено дыхание книги.

Отдельная трудность — просторечная речь героев фронта: разведчика Джексона, старого Бриджера, миссурийца Прайса. В оригинале она густо приправлена характерным диалектом американского Юго-Запада середины XIX века. Я не пытался искусственно состарить русский язык или изобрести псевдонародный говор — это всегда звучит фальшиво. Вместо этого я старался передать интонацию: нарочитую простоту, характерные обороты, грубоватый юмор бывалых людей — средствами живой, но нейтральной по времени русской разговорной речи.

Некоторые географические названия и реалии эпохи фургонных караванов не имеют устоявшихся русских эквивалентов; там, где это оправдано, я оставлял английское название в русской транскрипции с пояснением при первом употреблении (полный список — в приложенном глоссарии).

Пусть эта книга станет для читателя тем же, чем была для героев дорога в Орегон, — долгим, трудным и стоящим того путём.

Владимир Давыдов

Персонажи

Уилл Банион

Главный герой — бывший майор в колонне Донифана, ложно обвинённый в растрате.

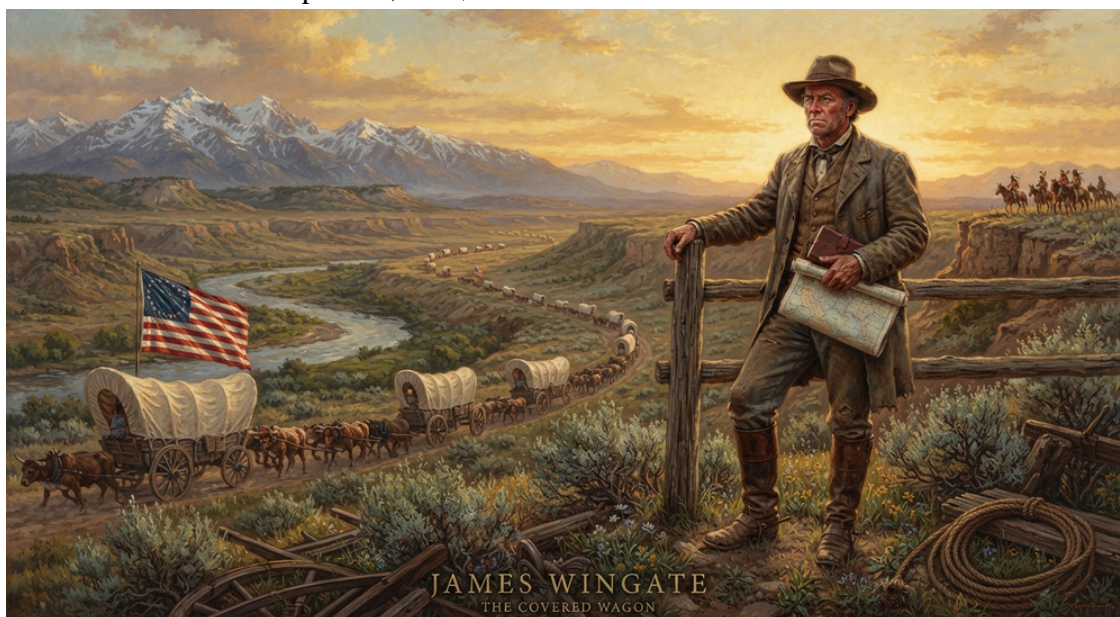
Молли Уингейт

Дочь капитана каравана, восемнадцатилетняя учительница.

Джесси Уингейт

Капитан большого каравана, отец Молли.

Билл Джексон

Старый горец-разведчик, верный друг Баниона.

Сэм Вудхулл

Антагонист, капитан либертийской колонны, автор ложного обвинения.

Кит Карсон

Легендарный разведчик и проводник, историческое лицо.

Крытый фургон

ГЛАВА I. МОЛОДОСТЬ ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД

— Гляди, Джесси! Едут и едут! Должно быть, семей сорок, а то и пятьдесят.

Миссис Уингейт — женщина средних лет, дородная, темнобровая и крепкая, — стояла у входа в грубую палатку, что служила им пока домом. Она указывала вниз по дороге, лежавшей блёкло-жёлтой лентой, брошенной поперёк прерийной травы, а за ней темнела опушенная лесом гряда обрывов над Миссури.

Джесси Уингейт дал своей упряжке, натёртой сбруей до отметин, вдоволь напиться из водопоя у ручейка, возле которого встал лагерь, и лошади, утолив жажду, принялись зарывать морды в воду и пофыркивать в неё с чувственным удовольствием. Он стоял — крепкий, высокий мужчина лет сорока пяти, с острым синим взглядом и короткой, плотно свалывшейся рыжеватой бородой. Одет он был просто, как одевался поселенец западных земель три четверти века назад. У себя дома он наверняка был фермером.

Можно ли было назвать домом этот лагерь — на самом переднем крае американской цивилизации? За прерийной дорогой виднелась двойная борозда блестящего чёрного дёрна, обрамлявшая зелёную траву в пёстрых цветах, — первая борозда плуга по девственной земле. Могло показаться, что здесь закладывают ферму. Но тогда зачем этот убогий бивак? Зачем походное снаряжение? Зачем сгрудившиеся, точно ковчеги, фургоны и десятки утренних костров, лениво тянущих голубые дымки в утренний туман?

Дело было в том, что Джесси Уингейт, приехавший рано и нетерпеливый, из самого избытка нерастраченной силы уже пробовал свой плуг в первых белых бороздах за Миссури, в великий год тысяча восемьсот сорок восьмой. Ещё четыреста таких же плугов по соседству жадно тянулись к земле Орегона — тому свидетельством была эта длинная вереница новопривыкших, запоздавших к великому сбору на границе.

— Это фургоны из Либерти, снизу по реке, — сказал наконец начальник лагеря. — Переселенцы из Миссури и из южного Иллинойса. Пора. Больше нам нельзя лежать здесь, дожидаясь то Миссури, то Иллинойс. Трава уже поднялась.

— Ну, надо же было дожидаться, пока Молли закончит весенний семестр — она преподавала в Клэй-скул, в Либерти, — возразила жена. — А иначе зачем мы её туда посылали, чтобы она выучилась? Двенадцать долларов в месяц наличными — деньги немалые, чихать на них не станешь.

— Да; но и на две тысячи миль пути отсюда до Орегона, которые надо пройти до снега, чихать не станешь тоже. Если Молли не окажется среди этих фургонов, я сегодня же пошлю за ней Джеда. Раз уж мне быть капитаном, я не могу больше держать людей здесь, на реке, — май уже начался.

— Она будет здесь сегодня, — заявила жена. — Она обещала. И потом, мне кажется, вон она едет верхом, чуть в стороне от дороги. Хотя кто с ней — не знаю. Один молодой человек... нет, двое. Что ж, — прибавила она с материнской гордостью, — Молли никогда не бывала в недостатке кавалеров!

— Да ты только погляди, сколько фургонов едет! — добавила она. — Похоже, этой весной весь край снимается и идёт на Запад.

Это был весенний сбор западных караванов, растянувшийся от старого Индепенденса до Уэстпорт-Лэндинг — того самого места, где в тот год среди переселенцев впервые прозвучало новое название: Канзас-Сити, место последнего прыжка в неизвестность. По здешнему счёту

солнце стояло уже час над горизонтом, а низинный туман ещё не вполне рассеялся, так что в атмосфере для великой картины недостатка не было.

И картина открывалась и вправду великая — волнующая панорама минувшей эпохи. Медленно, плавно, величаво двигались воловь упряжки, словно не они влекли флотилию белых парусов, а сами были влекомы ею. Волы не спешили и не замедляли шага, но двигались невозмутимой поступью, придававшей всей растянувшейся колонне что-то неодолимо эпохальное.

Караван, сокращённый расстоянием для глаз наблюдавших с места сбора, шёл в хорошо выстроенном порядке — двадцать фургонов, тридцать, сорок, сорок семь, — так про себя считал их Джесси Уингейт. Были и верховые; были и стада гуртового скота. Вдоль колонны шагали рослые мужчины, время от времени взмахивая над низко опущенными головами волов предостерегающим бичом, чей резкий щелчок долетал сюда пока ещё слабо и издалека. Поднималось тусклое облако пыли, смягчая очертания прерийных кораблей. Широкие взмахи рук и корпуса, монотонный успокаивающий говор команд смышлёному скоту оставались пока неразличимы — всё это и вправду было картиной, писанной на огромном холсте: картиной фронта сорок восьмого года, картиной силы, картиной неотвратимости. Даже трезвые души этих ожидавших поддались ей и ощутили трепет, которого сами не могли бы объяснить.

Юноша лет двадцати, высокий, светловолосый, взлохмаченный, выехал из рожи за лагерь семейства Уингейт.

— Ты, Джек? — сказал отец. — Съезди-ка, погляди, там ли Молли.

— Само собой, там! — отозвался юноша, отыскивая в кармане своих джинсов кусок жевательного табаку. — Это она. Двое парней при ней, как обычно.

— Сэм Вудхулл, конечно, — сказала мать, всё ещё держа ладонь у глаз козырьком. — Он всю зиму крутился поблизости, рассказывая, как они с полковником Донифаном разбили всю Мексику и выиграли войну. Если Молли до сих пор не в собственном фургоне, так это уж не по его вине! Могу поручиться: он и едет-то в Орегон только потому, что туда едет Молли! Ну что ж!

— А кто второй, интересно? — спросил Джек. — Отсюда не разгляжу.

Джесси Уингейт передал упряжку сыну и вышел на открытую дорогу, нетерпеливо взмахнув шляпой в знак не то приветствия, не то приказа. Судя по всему, его заметили.

К их удивлению, именно неизвестный всадник пришпорил коня и вырвался вперёд каравана галопом. Он держался в седле беспечно и ловко, как прирождённый наездник. Уже через несколько минут стало видно, что перед ними довольно лихая фигура пограничного кавалера — а граница в те дни была куда воинственнее, чем до сорок шестого года и времён клича «Пятьдесят четыре сорок или война».

Человек проницательный мог бы догадаться, что этот молодой всадник — ему было не больше двадцати восьми — приобрёл свою военную выправку не на оregonской, а на иной границе: на далёком Юго-Западе, где Тейлор, Скотт и менее известный Донифан со многими другими воинственными людьми прибавляли к землям республики новые и новые тысячи лиг. Он сидел на низком, коротконогом, поджаром коне, вороном, с лихой чёлкой, спускавшейся почти до самых алых ноздрей, — такого коня не вырастишь на жирных кукурузных полях Миссури. Незнакомым для здешних мест выглядело и это тяжёлое чеканное седло с серебряными накладками; и тонкая плетёная кожаная уздечка с волосяной челюсной перевязью и могучим мундштуком; и большие шпоры со звенящими колёсиками. Конь и сбруя этого всадника говорили о далёком, только теперь входившем в наше национальное сознание, Юго-Западе.

Сам же молодой человек по виду вовсе не походил на бретёра. Правда, в узких кожаных штанах, аккуратных сапогах, опрятных перчатках и щеголеватой широкополой чёрной шляпе из фетра бобрового меха он казался при въезде в лагерь фигурой несколько франтоватой — сидел он боком, вес перенёс на нижнее бедро, небрежно опершись рукой о круп коня; но его

резкие, не улыбочивые черты, прямой и серьёзный взгляд тёмных глаз выдавали в нём джентльмена своего времени и места, а не пустого позёра, напускающего на себя добродетель, которой нет.

Он легко соскочил с седла, опираясь правой рукой на высокую широкую испанскую луку так же непринуждённо, как поднимаются со стула в присутствии дамы, и снял бобровую шляпу перед этой пограничной женщиной прежде, чем заговорить с её мужем. Поводья он бросил на шею коня, и это, казалось, надёжно удержало животное на месте, несмотря на его громкое приветственное ржание, обращённое к соседним смирным лошадям, чьи бока хранили следы сбруи, а не побелевшую от седла шерсть.

— Доброе утро, сударыня, — произнёс он приятным, спокойным голосом. — Доброе утро, сударь. Вы, полагаю, мистер и миссис Джесси Уингейт. Мне сказала об этом ваша дочь, вон там.

— Меня так и зовут, — ответил Джесси Уингейт, с подозрением оглядывая незнакомца, но всё же протягивая ему руку без перчатки. — Вы из либертийского каравана?

— Да, сударь. Меня зовут Банион — Уильям Банион. Вы вряд ли меня знаете. Моя семья была из Кентукки, пока отец не перебрался во Франклин. Я начал заниматься правом в старом городе Либерти не так давно, но с тех пор много времени провёл в отлучке.

— Право, значит, — Джесси Уингейт снова окинул неодобрительным взглядом слишком уж опрятный наряд молодого человека. — Так вы, стало быть, не на Запад направляетесь?

— О нет, сударь, как раз на Запад, с вашего позволения. Я почти всю свою жизнь только этим и занимался. Два года назад я выступил вместе со всеми остальными, с Донифаном, на Мексику. Что ж, война окончена, договор, надо думать, подписан. Я решил, что самое время двинуться обратно домой. Но вы сами знаете, как это бывает — долгая дорога уже у меня в крови. Не могу осесть на месте.

Уингейт кивнул. Молодой человек продолжал, слегка улыбаясь:

— Хочу поглядеть, как обстоят дела в Орегоне. С новыми правами на землю и всем прочим — да ещё когда там соберётся столько воинственного люда, — там наверняка потребуется закона не меньше, чем здесь, вы не находите? Вот я и решил попытать счастья на Дальнем Западе. Здесь стало слишком тесно и смирно. Я, — он улыбнулся чуть заметнее и как бы с извиняющимся видом, — веду вон тот караван наших соседей, там фургоны из Иллинойса и Индианы. Меня называют полковником Уильямом Банионом. Это неверно — я был не более чем Уиллом Банионом, майором под началом Донифана. Теперь я и этого не имею.

По его лицу пробежала тень. Он стряхнул её с себя, точно нечто осязаемое.

— Итак, я к вашим услугам, сударь. Мне сказали, что вас избрали капитаном орегонского каравана. Я хотел бы присоединиться к вам, если позволите. Знаю, мы опоздали — нам следовало прибыть ещё вчера вечером. Я выехал вперёд, чтобы объяснить это. Можно ли нам встать рядом с вами, у этой воды?

Молли Уингейт, на которую изысканная речь незнакомца, его непринуждённая манера и учтивость не могли не произвести впечатления, ответила прежде отца:

— Разумеется, можно, майор Банион.

— Прошу вас, просто мистер Банион.

— Ну хорошо, мистер Банион. Вода и трава здесь ничьи. День только начался. Въезжайте и располагайтесь. Вы сказали, что видели нашу дочь, Молли — я знаю, что видели, вон она сама едет.

Молодой человек залился краской под своим бронзовым загаром, вдруг оробев.

— Видел, — сказал он. — Дело в том, что я познакомился с ней ещё этой весной, в Клэй-семинарии, где она преподавала. Она рассказала мне, что вы все этой весной трогаетесь на Запад, — сказала, что это её последний день там. Она спросила, нельзя ли ей доехать с нашими фургонами до места сбора. Ну и...

— А хороший у вас конь, — перебил его юный Джед Уингейт. — Испанский?

— Да, сударь.

— Дикий?

— О нет, теперь уже нет; разве что с некоторым норовом. Прокатитесь на нём, если хотите. Скачите обратно, коли захотите его испытать, и скажите моим людям, чтобы подъезжали и вставали здесь лагерем. А мне хотелось бы перемолвиться словом-другим с мистером Уингейтом.

С некоторым трудом, но настойчиво Джед вскочил в глубокое седло, справляясь довольно сносно с норовистым, взвивавшимся на дыбы конём, и вскоре уже мчался быстрым аллюром вниз по тропе. Видно было, как он осадил коня у головы каравана и, широко разведя руками, что-то показал всадникам, но сам караван не остановился.

Он присоединился к двум всадникам, ехавшим впереди, — девушке и молодому человеку, которого мать назвала Сэмом Вудхуллом. Видно было, как он пожимает им руки, а затем гарцует, выделявая курбеты, чтобы похвастать недавно одолженным конём.

— А ваш сын хорошо держится в седле, — одобрительно заметил приезжий.

— Он спит и видит, как бы поскорей на Запад, — подтвердил отец. — Хочет к бизонам поближе.

— Мы все этого хотим, — сказал Уилл Банион. — В Кентукки их не осталось уже целое поколение; в Миссури тоже теперь нет. Равнины! — Глаза его блеснули.

— Это с ними едет Сэм Вудхулл, — продолжала миссис Уингейт. — Он был с Донифаном.

— Да.

Банион произнёс это так коротко, что зоркая матушка, обладательница столь желанной дочери, взглянула на него внимательно.

— Он тоже жил в Либерти. Я знаю, Молли писала о нём.

— Вот как? — с внезапным оживлением. — Так она его знает?

— Ну да, конечно.

— Я тоже его знаю, — просто сказал Банион. — Он служил в нашем полку — капитаном, был адъютантом, а порой и казначеем, и квартирмейстером в придачу. Воинский устав у Донифана в колонне мало что значил. Мы поступали, как хотели, — и делали, что могли, даже с казначеями и квартирмейстерами!

Он вдруг покраснел и осёкся, чувствуя, что мать девушки, чья красота уже больше года была предметом толков во всём поселении, может заподозрить его в ревности — а взгляд у неё был острый.

Слухи об очаровании Молли Уингейт — Молли-младшей, как всегда звал её отец, чтобы отличить от матери, — вот-вот должны были получить самое неопровержимое подтверждение для глаз всякого скептика, кто, быть может, сомневался в одних лишь пересудах о женской красоте. Три фигуры впереди — девушка, Вудхулл, её брат Джед — сорвались с места и промчались оставшиеся несколько сотен ярдов, поравнявшись друг с другом, смеясь той беспечной радостью юности, что пьянит от хорошей лошади под коленом и дыхания живительного утреннего воздуха.

Когда они спешили, Уилл Банион едва взглянул на своего разгорячённого коня. Он первым подал руку Молли, легко соскочившей наземь, опередив её второго кавалера, Вудхулла, который спешил хмурясь, не слишком этим довольный.

Молли подбежала и обхватила мать крепкими молодыми руками, звучно её расцеловав; глаза её сияли, щёки покраснелись от волнения этого часа — да ещё от присутствия этих молодых людей. Ей нужно было кого-нибудь расцеловать.

Да, слухи оказались правдой, и даже больше того. Юная учительница вполне могла носить звание первой красавицы старого города Либерти здесь, на дальней границе. То была

прелестная девушка лет восемнадцати, синеглазая, с пышными рыже-каштановыми волосами того оттенка, что всегда обращал на себя взгляды и головы мужчин. Её рот, улыбаясь, открывал ровные белые зубы и был достаточно широк для удобного поцелуя, а уголки его сильно приподнимались, отчего лицо её казалось всегда солнечным и беззаботным — если бы не то серьёзное, почти сумрачное выражение широко расставленных глаз, что порой набегало в минуты покоя.

Ростом выше среднего для женщины, она вовсе не имела той угловатой худобы, что свойственна типичной пограничной женщине из малярийных низин; напротив, она была округла и хорошо сложена. Над открытым воротом её коричневого костюма для верховой езды поднималась безупречная колонна светлой высокой шеи. Только что расцветшая для женской доли, вполне созревшая для любви, весёлая юностью и бурлящей в жилах кровью — что удивительного, если Молли могла выбирать не из двух, а из двадцати лучших женихов во всей округе? Побед у неё было немало с тех самых пор, как совсем юной девушкой, исполняя желание родителей дать дочери образование, она проделала весь путь из сангамонского края в Иллинойсе до лучшей на то время школы так далеко на западе — Клэй-семинарии в старом добром Либерти.

Отпечаток достоинства, унаследованный от старинных южных традиций, не утраченных за два поколения к западу от Аппалачей, всё ещё лежал на этой девушке, так что впору было бы поставить её выше собственных родителей. Они же, переселяясь из Кентукки в Индиану, из Индианы в Иллинойс, а теперь и в Орегон, за все свои трудовые дни не забывали благоговения перед джентльменами и дамами, некогда бывшими их предками к востоку от Голубого хребта. Они ценили образование — чувствовали, что оно принадлежит им, хотя бы через их детей.

Образование, преуспевание, прогресс, движение вперёд — вот, пожалуй, что смутно жило в честолюбивых мечтах тех четырёхсот с лишним мужчин, что стояли теперь лагерем на границе нашей неведомой империи. Все они были американцами — во втором, третьем, четвёртом поколении. Дикие, неотёсанные, грубые, по большей части неграмотные, они всё же нет-нет да и являли среди себя некий рослый цветок той культуры, по которой всегда тосковали; за которую воевали; ради которой отправлялись теперь в новое странствие.

Американцами, несомненно, были и эти двое молодых людей, чьи глаза теперь невольно провожали Молли с жадным вниманием — даже поутру, ещё не позавтракав, ибо молодой предводитель приказал своим фургонам выступить к месту сбора ещё до зари. Из этих двоих юный Вудхулл, плантатор и человек со средствами, названный матерью Молли явным её поклонником, и сам с первого взгляда казался фигурой отнюдь не дурной. Высокий, жилистый, хорошо одетый по месту и времени, ещё более щеголеватый, чем Банион, в сапогах и перчатках, он бы отлично сошёл за кавалера на любом судебном дне в любом городке. Седло и уздечка его коня также отдавали изяществом, да и сам конь — статный гнедой с примесью кровей Синей Травы — стоил, надо думать, немалых денег.

Сэм Вудхулл, ныне отправлявшийся на Орегон с полудюжиной собственных фургонов, слыл человеком состоятельным; слыл также искусным в картах, в оружии и в дамском обществе. Городские жители отдавали ему первенство перед Молли, красавицей из-за реки, — покуда с войны не вернулся Уилл Банион. С тех пор пошла уже иная война — та, что стара, как само разделение на мужское и женское.

О том, что Банион знал Вудхулла ещё по мексиканской кампании, он уже успел проговориться. Что заставило его вдруг придержать вырвавшиеся слова? Не сказал бы он лишнего об этом знакомстве? Быть может, более пристальный взгляд на пухлые губы, высокие скулы, узко посаженные глаза юного Вудхулла, на его несколько самоуверенную осанку, на неуловимую щеголеватость и небрежную развалку в стойке подтвердил бы подозрения иного скептика, склонного к разбору характеров, — что душа и нрав этого молодого человека не так уж крепки. Впрочем, таких скептиков здесь по большей части не находилось.

К этому времени подошла и последняя, запоздавшая часть орегонского каравана. Уже видны были черты запylённых погонщиков. В отличие от Уингейта, новоизбранного началь-

ника каравана, при котором были лошади и мулы, молодой предводитель Банион вёл лишь воловь упряжки. Они шли теперь медленной, тяжёлой, неустойчивой, несокрушимой поступью — той самой движущей силой, что некогда несла орды Азии в Восточную Европу. И как в дни того нашествия завоеватели везли с собой свои семьи, свои стада и отары, так и эти полудикие саксонские люди везли теперь с собой всё своё достояние.

Худые мальчишки, босоногие загорелые девчонки шли вдоль тропы рядом с гуртовым скотом. В клетках у бортов фургонов кудахтали куры. Несчётные детские вихрастые головы высывались из отверстий в парусиновых полах. Собаки внизу, толкаясь о дегтярные ведра, лаяли враждебным приветствием. Женщины в решётчатых чепцах равнодушно глядели с высоких передних сидений, за спиной которых, подвешенное на кожаных петлях к дугам, покачивалось неизменное семейное ружьё — в каждом фургоне своё. А теперь, у заднего борта каждого фургона, крепко привязанный для своего последнего долгого пути, висел ещё и семейный плуг.

Был сорок восьмой год, и трава уже поднялась. В Орегон! Ковчег нашего завета с прогрессом трогался в путь. Впору было сказать, что в нём содержалась всякая живая тварь, как в том, другом, древнем ковчеге.

Банион поспешил в сторону, туда, где за ручейком ещё оставался ровный травянистый участок. Он поднял руку, указывая направо. Внезапная командная нотка прозвучала в его голосе, отголосок недавних военных дней.

— По правому и левому флангу — заезжай! Марш!

С явной выучкой фуруны разомкнулись, чередуясь то вправо, то влево, пока не выстроились в две длинные колонны. Каждая из них двигалась вперёд, забирая дугой в сторону, а затем сходясь внутрь, пока не образовалась длинная замкнутая с обоих концов овальная фигура — стройно и без сучка и задоринки. То был заслон прерий, движущаяся крепость наших искателей удачи, идущих на Запад — через равнины, через Скалистые горы, через пустыни, что лежали за ними. Не все опасности были им ведомы, но так они были готовы встретить любую из них.

— Гляди, мама! — Молли указала загоревшимся взглядом на манёвр фургонов. — Мы их весь вчерашний день тренировали, да и раньше тоже. Идеально!

Взгляд её, быть может, искал высокую фигуру молодого командира, избранного старейшинами каравана в предпочтение его земляку, Сэму Вудхулли, капитаном либертийского каравана. Но у того теперь были иные заботы, при своей собственной группе фургонов.

Смолк натужный скрип упряжи, и раздалось бряцание ярм — выдёргивали чеки. Появились сторожа при скоте и разогнали рабочих животных пастись врозь. Женщины спускались с передних сидений фургонов. Серьёзные детские личики собирали в охапки хворост для запоздалых утренних костров; мальчики спускались к ручью за водой.

Идущие на Запад остановились у Миссури, как некогда останавливались у Дона.

Где-то среди фургонов, за работой, раздался голос молодого человека, перекладывавшего на новый лад довоенный мотив — знакомую песню про переселенца, что едет в Орегон с банжо на колёне.

ГЛАВА II. НА КРАЮ СВЕТА

Более двух тысяч мужчин, женщин и детей дожидались на Миссури, пока зелень окончательно не окрасит травы прерий, лежавших дальше к западу. Убывающий городок Индепенденс за тридцать дней учетверил своё население. Пароходы выгружали свой обычный западный груз на новой пристани, недалеко выше по реке от этого города; но и этого было мало. Мужчины из верхнего Миссури и нижней Айовы пригоняли стада волов, лошадей, мулов; но и их не хватало. Ходили слухи, что сотня фургонов в этом году пойдёт по Платту через Каунсил-Блафс, выше по Миссури; другие присоединятся из Сент-Джо и Ливенворта.

Наступил март, когда дикая индейка кричала и важно расхаживала во всём блеске лесных угодий. Прошёл апрель, и дикая птица улетела на север. Наступил май, и полевые ржанки теперь гнездились по всем прериям. Но фурунги прибывали каждый день, и соседи ждали соседей, запаздывающих к великому сбору. Лагерь, растянувшийся вдоль речного берега, становился всё теснее и теснее. Люди начинали узнавать друг друга, семьи знакомились, началось постепенное просеивание и перераспределение общественного положения. Кучки и группы принимались толковать о некоем подобии общепринятого управления для общего блага.

Теперь они были на самом краю закона. Организованного общества не существовало по эту сторону от временного правительства Орегона, задуманного как способ мирного сосуществования во время совместного владения этим огромным краем с Великобританией — соглашение, прекратившееся не более двух лет назад. Между Миссури и Колумбией непременно требовался хоть какой-то закон и хоть какое-то руководство. Среди немалых дразг мелкой политики Джесси Уингейта дней четыре назад избрали на неблагодарную должность капитана каравана. Хотя эта должность давала мало власти и ещё меньше средств принуждать к исполнению своих распоряжений, тем не менее предводитель каравана обязан был быть человеком мужественным, находчивым и решительным. Те из прибывших раньше, кто проходил мимо его хорошо устроенного лагеря из с лишним сорока фургонов из сангамонского края Иллинойса, говорили, что Уингейт, похоже, знает толк в этом деле. Хозяйство у него шло гладко, снаряжён он был хорошо и казался человеком со средствами. Поговаривали даже, что у него на дне груза припрятано три тысячи в золоте. Более того — а это казалось немаловажным для северного элемента, на ту пору преобладавшего на месте сбора, — он не был ни калхуновским сепаратистом, ни даже бентоновским демократом, а убеждённым, откровенным противником рабства, сторонником свободной земли. А временная конституция Орегона, составленная мыслящими людьми двух великих наций, гласила, что Орегону навеки быть свободной землёй.

Уже в тысяча восемьсот сорок восьмом слышался глухой ропот приближающейся распри, которую некий долговязый молодой адвокат из Спрингфилда, из сангамонского края — по фамилии Линкольн — двумя годами раньше среди своих личных друзей предсказывал как неизбежную. В обществе, составленном из смельчаков с обоих берегов Огайо, политики нельзя было избежать даже в пути; да и не такие это были люди, чтобы политики избегать. Порою у своего костра, после выборов в караване, Уингейт с женой да сын их Джек сверяли свои взгляды — в те времена, когда личные политические убеждения и национальная география значили куда больше, чем нынче.

— Послушай, сынок, — заключил как-то Уингейт. — Все эти разговоры про железную дорогу через эту страну до самого Орегона, конечно, глупость. Но всё это будет одна страна. Говорят, что по договору с Мексикой нам должны отойти земли от Техаса до Тихого океана, и немалый кусок; и всё это забрали ради рабства. С Оregonом не так — этой земле быть свободной вовеки. Все эти толки о том, чтобы расколоть страну на Север и Юг, для меня пустое. Аллеганы её не разделили. Бёрру не удалось её разделить. Миссисипи её не разделила, и Мис-

сури тоже, так что будь спокоен — и Огайо не разделит! И уж тем более Скалистые горы! Железная дорога? Нет, конечно, нет. Но всё же настоящая, пригодная фургонная дорога от свободной земли до свободной земли — вот, пожалуй, какова была моя платформа, вроде того. Она меня и сделала капитаном.

— Да не в том дело было вовсе, Джесси, — сказала жена. — Не потому тебя выбрали капитаном каравана. Это твоё окаянное нетерпение. Кое-кто из тех, что снизу, из южной Айовы — они первыми тебя и выдвинули на том собрании каравана, ну, на сходе, как это у вас называется, — они углядели, что ты тут пахал землю просто чтоб руку не терять. Один из них мне и говорит: «Пашет, значит? Ждать невтерпёж? Ну, за этим мы и едем, разве нет — пахать?» — говорит. «Вот это по-нашему», — говорит. Вот они тебя и выбрали, Джесси. И упаси Господь твою душу!

Теперь же прибытие столь многочисленного нового пополнения — либертийского каравана под началом молодого Баниона — сделало необходимым нечто вроде утверждения итогов выборов задним числом, так что Уингейт счёл своим долгом созвать старших из вновь прибывших на совет — хотя бы из простой учтивости. Он отправил сына Джеда в лагерь Баниона — просить, чтобы Банион, Вудхулл и те из их спутников, кого они пожелают взять с собой, явились в удобный им час. В ответ передали, что либертийские мужи присоединятся к совету у Уингейта около одиннадцати часов того же утра, и тогда же можно будет назначить час выступления.

ГЛАВА III. МЕСТО СБОРА

Времени до выступления великого каравана фургонов оставалось, право, немного. Уже много дней, а кое-где и недель, отряды каравана стояли здесь, на границе, и люди начинали тревожиться. Иные проделали тысячу миль и теперь горели нетерпением тронуться ещё на две с лишним тысячи дальше. Трава уже поднялась. Люди из Иллинойса, Индианы, Огайо, Айовы, Миссури, Кентукки, Арканзаса рвались с привязи.

Вдоль всего извилистого речного берега, по обе стороны от Индепенденса до пристани в Уэстпорте, стоял лагерем или разместился в городе великий весенний караван. Теперь, в последние дни сбора, толпу охватило что-то вроде исступления. Звуки ружейной стрельбы напоминали настоящее сражение — каждый пристреливал своё ружьё. Отовсюду доносились пение и крики. Кто-то, свежий с мексиканской войны, притащил барабан, кто-то ещё — горн. Без всякого уговора эти инструменты принимались подавать сигналы и трубили весь день, всякий раз, когда исполнители могли оторваться от выпивки.

Индейцы дружественных племён — ото, кау, осейджи — приезжавшие торговать, с изумлением наблюдали за разгулом белых людей. Разбросанная улица каждого из ближних приречных городков была забита скопищами фургонов. Тройная линия белых верхов, конец к концу, лежала, точно исполинский змей, изгибаясь вперёд, на Запад. Началось соперничество за место в голове колонны. Звуки горна приводили в судорожное движение тысячу несогласованных колёс. Организация, система были покуда неведомы этой грубой и своевольной демократии. Отсюда и надобность в этой последней сходке ради закона, порядка и власти. Кое-какие фургоны уже снялись с лагеря и вышли на главную наезженную дорогу, ясно видную дальше к западу, среди рощ и полян долины Кау. Каждый хотел первым прийти в Орегон, и никто не желал глотать пыль из-под колёс соседа.

Уингейт изложил все эти дела на сходе каравана, где собралось человек шестьдесят под деревьями его собственного лагеря, в одиннадцать часов того последнего утра. Большинство присутствующих он знал. Банион неприметно уселся поодаль, позади тех, кто сидел на корточках или растянулся во весь рост на траве.

По обычаю неизменного американского городского схода — начала всякого нашего правления — Уингейт призвал собрание к порядку и изложил его цели. Затем он представил собственные соображения о том, как лучше всего организовать путь.

Его план, как он объяснил, давно уже был отработан в караванах старой Санта-Фе. Фургонам предстояло идти сомкнутым порядком. Четыре параллельные колонны, разделённые не слишком большими промежутками, надлежало по возможности сохранять — особенно к ночи. Из них две крайние при устройстве лагеря должны были сходиться вместе, а две другие — заходить наискось, так что фургон заходил за фургон, спереди и сзади, образуя продолговатый загон из фургонов, куда через проём каждую ночь после выпаса загоняли рабочих волов. Палатки и костры полагалось разбивать снаружи загона, кроме случаев тревоги из-за индейцев, когда загон превращался в крепость.

Перевозочный скот каждую ночь надлежало стреноживать. Каждую ночь вокруг загона и лагеря выставлялась охрана. Каждый мужчина и каждый мальчик старше четырнадцати лет по древнему обычному закону прерий подлежал караульной службе, и никто не мог рассчитывать на освобождение от неё, разве что был действительно слишком болен, чтобы ходить; и никто не мог нанять себе замену. Смены полагалось расписать на восемь частей, каждый должен был стоять на страже четверть каждой второй ночи, так что каждому доставалась спокойная каждая другая ночь.

Полагались лейтенанты — по одному на каждое из четырёх параллельных подразделений каравана; а также восемь сержантов караула, каждый из которых должен был отбирать и вести

своих людей в смене. После выступления ни один фургон не мог менять своё место в колонне — ни из-за пыли, ни по какой другой причине.

Когда Уингейт закончил своё изложение и оглянулся, ожидая одобрения, стало очевидно, что многие из этих правил встретили неприятие с самого начала. Демократия каравана была такова, что каждый хотел поступать по-своему. Склонившись голова к голове, переговариваясь вполголоса, люди ворчали на всю эту канитель и армейские замашки. Иные из них были друзьями и сторонниками Уингейта на недавних выборах. Уязвлённый их молчанием, а то и невнятным ропотом, Уингейт снова поднялся.

— Что ж, вы выслушали мой план, — сказал он. — Люди Санта-Фе его разработали и годами им пользовались, как вам всем известно. Они всегда доходили. Если тут есть кто-то, кто знает способ получше, да ещё с большим опытом за спиной, я бы хотел, чтобы он встал и сказал об этом.

Молчание встретило и это. Северяне, сторонники Уингейта, неловко поглядывали друг на друга. В конце концов поднялся молодой Вудхулл из либертийского отряда.

— То, что сказал капитан Уингейт, мне кажется дельным, — начал он. — Он мне человек новый — я его до сегодняшнего утра и в глаза не видал, — но наслышан о нём. А что до порядков Санта-Фе, так это я знаю не понаслышке. Как некоторым из вас известно, я бывал в тех краях, вверх по Арканзасу, с Донифаном, за звёздно-полосатый флаг. И насчёт фургонного пути скажу: без настоящей системы всё пойдёт вразнобой. Тут у нас дело вроде как с добровольцами, что записываются на войну. Всегда сперва вроде как предварительные выборы командиров, вроде как утряска да устройство. Меня тут не было, когда выбирали капитана Уингейта — наши фургоны малость запоздали, — но от имени наших людей я предлагаю утвердить его избрание, а значит, и утвердить его правила. Найдётся кто поддержать?

Кое-кто из бородатых мужчин, сидевших вокруг него, зашевелился, но взгляды их обратились к их собственному капитану, молодому Баниону, чью роль представителя присвоил себе таким образом его побеждённый соперник Вудхулл. Быть может, немногие из них подозревали в речи Вудхулла довод *ad hominem* — точнее, *ad feminam*.

Только Банион распознал эту заискивающую лесть, распознал и её истинную причину. Дело было в Молли! Соперниками они и вправду были, эти двое, и не в одном только смысле. Но Банион придержал язык, пока не заговорил один тихий отец семейства.

— Думается мне, наш собственный капитан каравана, которого мы выбрали на случай, если бы не присоединились к большому каравану, тоже должен сказать своё слово обо всём этом.

Уилл Банион невозмутимо поднялся и поклонился предводителю.

— Я рад поддержать предложение мистера Вудхулла отдать наш голос и наш караван капитану Уингейту и большому каравану, — сказал он. — Мы утвердим его капитанство, не так ли?

Кивки его товарищей подтвердили согласие, и Уингейту не понадобилось иных подтверждений.

— В целом же я одобряю и план капитана Уингейта. Но позволите ли мне сделать несколько замечаний?

— Конечно же — говорите. — Уингейт привстал.

— Что ж, тогда позвольте заметить, что нам предстоит пройти вдвое дальше, чем торговцам Санта-Фе, и по совсем иной местности — более опасной, менее изведанной, более трудной для пути. У нас во много раз больше фургонов, чем когда-либо бывало в караванах Санта-Фе, и с нами гонят сотни голов гуртового скота. А это значит, что на каждой стоянке трава будет выедена подчистую, а трава нам нужна — иначе караван встанет.

— Помимо нашей собственной надобности в траве, я знаю, что этой весной впереди нас на тропе будет по меньшей мере пять тысяч мормонов — они уже перешли реку отсюда до Блафс и сейчас находятся на Платте. Нам достанется та трава, что оставят они.

— К чему я клоню, капитан, вот к чему: время от времени нам, возможно, придётся разбиваться на более мелкие отряды. Мы не всегда сможем удерживать строй в четыре колонны.

— И тогда мы окажемся открыты для любого нападения индейцев, — перебил Вудхулл.

— Возможно, нам порой придётся и сражаться, да, — отозвался Банион, — но идти нам придётся всё время, и пасти скот нам придётся всё время. На этом одном непременном условии и держится наша безопасность — трава, и трава в достатке. Путь у нас долгий.

— Видите ли, господа, — прибавил он с улыбкой, — я тоже был с Донифаном. Мы усвоили немало вещей. К примеру, я предпочту видеть каждую лошадь на тридцатифутовой привязи, надёжно закреплённой на ночь, нежели полагаться на пути. Затосковавшая по дому лошадь и в путах может пройти за ночь много миль. С лошадьми много хлопот.

— Я вижу, что около четверти наших людей, включая капитана Уингейта, везут груз на лошадях и мулах, а не на волах. Хотелось бы, чтобы все они успели выменять их на волов до выступления. Волы дольше служат и легче переносят путь. Их проще пасти. В первый тяжёлый год в Орегоне их можно пустить в пищу. Индейцы волов не крадут — они больше по бизонам, — но лошадей или даже мулов угонят при первой же возможности. А если угонят, значит, ваши женщины и дети пойдут пешком. Вы знаете историю партии Доннеров, два года назад — пешком, по снегу. Они погибли, а иные и хуже, чем погибли, совсем недалеко от Калифорнии.

Люди из Айовы, Иллинойса, Огайо, Индианы принялись кивать друг другу, одобряя слова этого молодого человека.

— Дело говорит, — раздался чей-то голос.

— Что ж, я знаю, что говорю много, — сказал Банион серьёзно, — но сейчас как раз время и место для таких разговоров. Я, как уже сказал, за то, чтобы примкнуть к каравану Уингейта. Но позволит ли капитан Уингейт добавить ещё несколько слов?

— К примеру, я бы предложил вести учёт всех наших людей. От каждого следует потребовать назвать своё имя и последнее место жительства, а также имена всех в его партии. Он должен доказать, что его фургон в исправном состоянии, с запасными болтами, ярмами, шинами, дугами и осями, и запасной обувью для скота. Каждый фургон должен нести хотя бы половину шкуры сыромятной кожи и обычные орудия для фермы и пути, а также подобающее оружие и достаточно боеприпасов.

— Никому не следует позволять выступать с этим караваном, имея на каждый рот в своём фургоне меньше ста фунтов муки. Сто пятьдесят или даже двести было бы куда лучше — бывают потери и усушка. По моему собственному убеждению, не будет лишним взять хотя бы вполовину столько же бекона, двадцать фунтов кофе, пятьдесят сахара. Примерно вдвое против нормы караванов Санта-Фе — это самое малое, а те, чья перевозочная сила позволяет взять больше припасов, должны выступать с полной загрузкой, ибо никто не может сказать наверняка, сколько продлится этот путь и сколько понадобится продовольствия, прежде чем мы доберёмся до места. Может статься, одному придётся помогать другому.

Даже Уингейт присоединился к открытому одобрению этих слов, и Банион, ободрённый, продолжал:

— Ещё кое-что, друзья, раз уж вы предложили каждому высказаться свободно. Мы не охотники, а устроители нового дома. У каждой семьи, полагаю, есть плуг и семена для первого урожая. Нам следует также разузнать всех наших кузнецов — уверяю вас, они нам понадобятся. Нам нужно иметь с полдюжины горнов и столько же наковален, да немало железа для фургонов.

— Полагаю, вы уже определили и всех своих врачей; а также всех своих проповедников — вовсе не обязательно располагать их всех одним лагерем. Лично я верю в воскресный отдых и воскресные службы. Мы везём с собой, день за днём, друзья, и церковь, и государство, и

дом, и закон — мы ведь не просто трапперы и искатели приключений. Пушная торговля себя изжила.

— Я даже полагаю, нам стоит разузнать и наших музыкантов — хорошо бы иметь горниста, если найдётся. А по вечерам, когда люди устанут и падут духом, музыка хорошо помогает держаться сообща.

Бородатые слушатели снова закивали.

— Что до школ — другие караваны, что уходили прежде, Эпплгейты в сорок третьем, Доннеры в сорок шестом, — в каждом, насколько я знаю, были заведены настоящие школы, с занятиями каждый день.

— Как вы находите, прав ли я во всём этом? Я вовсе не хочу обидеть капитана Уингейта. Я не отбираю у него власть. Я лишь пытаюсь её укрепить.

Вудхулл поднялся было, с усмешкой на лице, но чья-то рука усадила его обратно. Перед ним встал рослый миссуриец.

— Прав ты, Уилл! — сказал он. — Голова у тебя старая, ей верить можно. Кабы не то, что капитан Уингейт постарше тебя годами да уже избран, я бы прямо сейчас предложил выбрать тебя капитаном всего этого каравана. А раз уж дело обстоит так, как есть, предлагаю голосовать за то, что говорил дельного Уилл Банион. И предлагаю нам примкнуть к большому каравану, с Джессом Уингейтом капитаном. И предлагаю дать ещё один день, чтоб собрать припасы да снаряжение, да выменять коней, мулов да волов, а после выступить послезавтра поутру, как только затрубят горн. И тогда — ура Орегону!

Раздались крики одобрения и общее вставание с мест, точно после завершённого дела. Джесси Уингейт, несколько сникший и раздосадованный напористостью этого молодого человека, о котором он и слыхом не слыхивал до нынешнего утра, для порядка внёс ещё несколько предложений, попросил верности и преданности и всё такое прочее.

Но запомнилось всем то, что он назначил начальниками своих колонн фургонов Сэма Вудхулла из Миссури; Калеба Прайса, состоятельного человека из Огайо; Саймона Холла, торговца из Индианы, и фермера по фамилии Келси из Кентукки. Уиллу Баниону же начальник каравана поручил самую трудную и неблагодарную обязанность во всём караване — начальство над коровьей колонной, то есть предводительство над юношами и мужчинами, чьи семьи обязаны были гнать гуртовой скот каравана.

В либертийской колонне это вызвало угрюмый ропот. Люди шептались, что не пойдут за Вудхуллом. Что до Баниона, он не жаловался, но улыбался и пожимал руки Уингейту и всем его помощникам, заявляя о своей верности и верности своих людей; а затем отправился к своему собственному маленькому предприятию — полудюжине фургонов, которые он вёз грузом до Ларами: по большей части бекон, мука и сахар; каждый фургон вёл сосед или сын соседа. Среди них уже открыто поднимался ропот недовольства тем, как обошлись с их отрядом. Баниону пришлось улаживать назревавший раскол ещё прежде, чем покатилося на запад по Кау первое колесо.

Люди со схода разошлись по своим соседям и семьям и говорили теперь с большей серьёзностью, чем прежде. Ружейная стрельба стихла, к вечеру того дня поубавилось и веселья. В прежние времена лодочники, отправлявшиеся на запад, выступали с песней. Погонщики выючных караванов пушной торговли шли с криком и стрельбой, а беспечное веселье караванов Санта-Фе вошло в поговорку. Но теперь, здесь, в великом орегонском караване, всё обстояло иначе. С ними шли женщины и дети. Всех отметила невесёлая серьёзность. Когда сумеречный бархат прерийной ночи опустился почти на последний день сбора, он принёс общее чувство тревоги, страха, беспокойства, опасения. Теперь-то, наконец, все они поняли, что за дело они на себя взяли.

А к и без того естественным опасениям мужчин и женщин, пускавшихся в столь громадное предприятие, добавлялись всевозможные слухи, беспрестанно перелетавшие от одного

отряда к другому. Говорили, будто пять тысяч мормонов, вооружённых до зубов, перешли реку у Сент-Джозефа и залегли в засаде на Платте, полные решимости отомстить за гонения, которые претерпели в Миссури и Иллинойсе. По другому рассказу, индейцы кау, до сих пор дружелюбные, сговорились для грабежа и лишь дожидаются появления каравана. Ещё более распространённая история гласила, будто несколько англичан поспешили вперёд по тропе, чтобы подстрекнуть всех дикарей устроить засаду и уничтожить караваны, дабы отомстить янки за потерю Орегона от лица Англии. Немало тревог порождали и слухи, трудноуловимые по источнику, о том, что весь Орегон — это сплошная ошибка; что на деле это ужасная страна, вовсе не годная для человеческого жилья, и уж наверное станет могилой для всякого, кому посчастливится пережить ужасы пути, о которых ещё никто не рассказывал правду. Кое-кто из путешественников, вернувшихся с Запада, из-за Скалистых гор, слонявшихся у пристани, только подливал масла в огонь, рассказывая якобы подлинные случаи из собственного опыта.

— Если вам вообще удастся добраться до Орегона, — говорили они, — вы состаритесь на десять лет. Волосы у вас поседеют, да не от возраста.

Большая Медведица в ту ночь стояла ясно и близко, будто можно было протянуть руку и снять с неба знакомые звёзды путников. Над головой бесчисленные яркие точки меньшего света усеивали ночное покрывало, вторя многочисленным кострам великого сборища. Ветер дул мягкий и низкий. Ночь в прерии всегда торжественна, а в эту ночь напряжённая тревога, натянутое ожидание более чем двух тысяч душ вызывали к жизни некую сумрачную печаль, которую, казалось, чувствовали даже звёзды.

Где-то зловеще завывала собака — долгим, тоскливым воем, от которого матери невольно тянулись руками к своим младенцам. В ответ в траве откликнулся койот — высоким, дрожащим криком, диким и заброшенным, голосом Дальнего Запада.

ГЛАВА IV. ЛИХОРАДКА НОВЫХ УДАЧ

Звуки горна, высокие и чистые, пропели зорю на рассвете. Теперь настала пора спешных сборов для тех, кто замешкался. Улицы двух пограничных поселений были забиты воловьими упряжками, лошадьми, фургонами, прогоняемым скотом. С прилавков пограничных лавок смели последние запасы. Ещё один день — и в Орегон!

Уингейт снялся со своего лагеря рано поутру и вышел в открытую степь к западу от пристани, устроив последний привал там, где предстояло встать голове каравана. Он попросил четырёх своих помощников присоединиться к нему там же. Холл, Прайс и Келси подтягивались с отставшими фургонами, образуя ядра своих колонн; но утро близилось к концу, а миссурийцы, теперь под началом Вудхулла, всё ещё не снялись с лагеря. Уингейт мрачно ждал.

Теперь, на самом краю дела, человеческие опасения начали заявлять о себе, особенно среди женщин. Даже стойкая миссис Уингейт поддалась сомнениям и страхам. Муж застал её в десять часов утра сидящей на дышле фургона с передником у глаз, а горшки и сковородки так и остались непереложенными.

— Что? — воскликнул он. — Уж не слабеешь ли ты духом? Разве у тебя меньше храбрости, чем у тех мормонских женщин, что идут впереди? Иные, слышал, толкают ручные тележки.

— Они это ради веры делают, Джесс. Орегон мне не вера никакая.

— И всё же для мужского уха в нём звучит своя музыка, Молли.

— Полно тебе! Наслушалась я этого за последние два года. Что случилось с Доннерами два года назад? А четыре года назад Эпплгейты снялись из старого доброго Миссури и подались в Орегон. Кто теперь знает, где лежат их косточки? Погляди на землю, что мы оставили — жирную, чёрную, жирную не хуже любой на свете. Какая кукуруза, какая пшеница родилась — да у нас в Иллинойсе всё родилось на славу!

— Да, а холера пониже нас косила людей, и распря из-за рабовладения всё сильнее разгоралась вверх по реке, и солнце летом палило нещадно, а зимой мы мёрзли!

— Ну, а насчёт еды — во всём Кентукки не видали мы такой травы, как здесь, ни вполтину. Индеек там у нас вовсе не было, а тут, где мы жили, хоть в любой час, когда токуют, стреляй сколько хочешь. Голуби гнездились не дальше четырёх миль от нас. В лесах вдоль реки даже женщина могла набить енотов и белок, сколько нам надобно, — не приходилось есть кроликов, как мормонам. Птичий наш двор тянулся на пятьдесят миль. Молодняк к августу уже летал всюду — а по осени старицы чернели от уток да гусей. Всего у нас было вдосталь, ещё и на запас; и земля наша только раскрывалась; и Молли учила в школе, двенадцать долларов в месяц наличными за это получала, и Джек выучился на кузнеца, ещё не дожив до восемнадцати. Чего же ещё нам было желать? Что лучшего найдём мы в Орегоне?

— Ты всегда обливаешь Орегон холодной водой, Молли.

— Так ведь далеко же он как!

— А почём нам знать, что далеко? Мы знаем, что мужчины и женщины его уже пересекли, и знаем, что земля там богатая. Пшеница родит по пятьдесят бушелей с акра, деревья высотой со шпильки молитвенных домов, рыбы в реках миллионы. А зим со снегом там почти не бывает. Человек может там жить, а не гнуть спину до самой смерти.

— К тому же, — и тут в нём заговорил уже настоящий фронтирсмен, — здесь земля слишком старая, слишком давно обжитая. Мой отец бил и лося, и бизона в Кентукки; но это было ещё до меня. Я хочу бизона. Мне не терпится увидеть равнины, Молли. Какой настоящий американец этого не хочет?

Миссис Уингейт закрыла лицо передником.

— Орегонская лихорадка тебя околдовала, Джесси! — воскликнула она сквозь сухие рыдания.

Уингейт помолчал немного.

— Кукурузе в Орегоне полагается расти, — сказал он наконец.

— Да, а растёт ли?

— Не слыхал, чтобы не росла. Земля там богатая, и можно занять шестьсот сорок акров. Вот тебе и дарственный участок, вчетверо больше всего, что можно получить здесь. Мы продали своё по десять долларов за акр — больше, чем оно на самом деле стоит, да и когда-нибудь будет стоить. Это только спекулянты твердят иное. Пусть подавятся, а мы двинемся дальше. Так деньги и делаются, так всегда и делались, по всей Америке.

— Ха! Сам ты рассуждаешь прямо как земельный спекулянт!

— Ну а кто же страну обживает, если не переселенцы? Если мы не заселим Орегон, долго ли мы его удержим? Проповедники прошли до Орегона на лошадях. Небось и Эпплгейты как-то провели свои фургоны. Небось прошли же. Я хочу увидеть эту страну, пока не поздно ухватить хороший шанс, Молли. Не успеешь оглянуться, как и там на Западе бизон начнёт переводиться, как олень переводился у нас на Сангамоне. Надо дать своим детям такой же шанс, какой был у нас самих.

— Такой же шанс! А разве у них не было такого же шанса, как был у нас? Разве наша земля не подорожала втрое с доллара с четвертью? Может, ещё раз подорожает втрое, покуда они не доживут до наших лет.

— Долго ждать.

— Долго целую жизнь прожить, да только всем приходится её проживать.

Она стояла и глядела на него.

— Ты погляди, сколько здесь хорошей земли! Тут у нас и орех, и гикори, и дуб — целые миры этого добра. И сассафрас у нас, и папайя, и лещина. Орехов гикори да pekan вдосталь набираем каждую осень. Дикая слива у нас лучше всякой кентуккийской; а виноград — с большой палец величиной, и тысячами, прямо по реке. Погоди, увидишь, какое я варенье из сливы да винограда сварю этой осенью!

— Женщины — всё им только варенье на уме!

— Да у нас тут все травы, какие надобны, — и костянка, и сассафрас, и индейское зелье, и кора от лихорадки. Нет такого, чего бы у нас не нашлось, здесь ли, на Сангамоне ли, а ты всё толкуешь о заботе про наших детей. Ха! Мы переезжали пять раз с тех пор, как поженились. Только устроились в хорошем краю, где женщина могла кукурузу сушить да варенье варить, а мужчина мог свиней разводить — так нет же, тебе снова переезжать приспичило, прямо в Орегон! Говорю тебе, Джесси Уингейт, свинья куда надёжнее, чем бизон, чтоб к ней привязываться! Ты так говоришь, будто тебе непременно нужно заселить Орегон!

— А разве не нужно? Как-то так выходит, что человек и сам не решает, когда трогается на Запад. Отец мой переезжал дважды в Кентукки, раз в Теннесси, а после в Миссури, а уже после того, как мы с тобой поженились, — в Индиану, а после в Иллинойс. Он мне говорил — и я знаю, что это правда, — он и сам не мог толком сказать, кто это или что это запрягало упряжку. Но не успевал он оглянуться, глядь — старый фургон уже стоит перед домом, весь под тентом, плуг сзади подвешен, дегтярное ведро под фургоном, и собака тут же. Всё, что ему оставалось, говорил отец, — влезть на переднее сиденье да сказать слово упряжке. А мать моя влезла на сиденье рядом с ним. И трогались — на Запад. Ты же знаешь, Молли. Мать моя влезла на переднее сиденье...

Жена вдруг обернулась к нему, слёзы всё ещё стояли у неё в глазах.

— Да, Джесси Уингейт, и ты это знаешь, — твоя жена не хуже твоей матери! Когда фургон стоял, тент натянут, а ты на переднем сиденье, я лезла к тебе, Джесс, как всегда лезла и всегда буду лезть. Разве не так всегда бывало? Ты это знаешь. Только женщинам эти переезды тяжелее даются. Им дороже дом, что не течёт в непогоду.

— Знаю, что так, Молли, — серьёзно сказал муж.

— Стало быть, придётся мне уложить своё варенье в ящик да в фургон, делать нечего.
— Она вытирала глаза.

— Да уж, пожалуй, так. А ещё пригодятся в пути мешка два сушёной кукурузы.

— Одно скажу, — она обернулась к нему в супружеском гневе, — не смей мне мешать взять с собой через всю дорогу мой комод и все шесть стульев! И семена мои огородные, все, что я сберегла, тоже не смей. И корни розовых кустов, что я беру с собой, тоже. Нам нужен дом, Джесс, — нам нужен настоящий дом! Вон Джек с Молли идут.

— А где сейчас Молли? — вдруг спросил муж. — Ей бы сейчас тебе помогать.

— Ох, в лагере, наверное, — она и Джек. Я велела ей нарвать одуванчиковой зелени да принести сюда. Небось резвится с этими молодчиками. Ха! Скоро у неё поменьше времени будет на это. Раз Джеду придётся стадо гнать, Молли достанется присматривать за той упряжкой больших мулов, да ещё и весь день их на лёгком фургоне погонять. Думаю, если ей ещё и вечернюю школу вести придётся, не так уж весело ей будет.

— Говорят, люди и женятся в пути, — прибавила она, — не говоря уж о том, что и хоронят. В одной книжке писали, будто на Платте, два года назад, в одном караване за один час, да ещё и на одной миле пути, случились и свадьба, и рождение, и похороны. Вот тебе и Орегон!

— Что ж, это, поди, и есть жизнь, разве нет? — отозвался муж. — Одно скажу: не по душе мне, чтобы Молли слишком уж заглядывалась на этого молодого Баниона — того, что, говорят, был предводителем либертийских фургонов. Ха, теперь-то он уже не предводитель!

— Тебе больше по нраву для Молли Сэм Вудхулл, Джесс?

— В чём-то да. Он больше сходится с моими взглядами. Не такой, чтоб затевать смуту в пути. Он меня поддержал на последнем сходе, всё время.

— Вот как поддержал? Что ж, отец его когда-то был шерифом, а дядя, судья Генри Д. Шоултер, в Конгресс попал. Политика! Но иные говорили, что Банионы — семья получше. Кентуккийцы они были. Ну а что до того, кто кого поддержит, Джесс, так, думаю, сама Молли в этом деле больше значит, чем кто из них двоих или кто из нас с тобой. Ей уже за восемнадцать. Ещё год — и в старых девах останется. Уж если и быть свадьбе в пути...

— Не бывать этому, — коротко сказал муж. — А если и быть, так не ей с Уильямом Банионом, это я тебе прямо говорю.

ГЛАВА V. ЧЁРНЫЙ ИСПАНЕЦ

Между тем молодёжь, о которой шла речь в откровенном разговоре Уингейта с женой, коротала по-своему последний день в лагере. Молли, набрав полную корзину одуванчиковых листьев, не спешила покидать тень рощи у ручья, а у Джеда нашлись дела с той упряжкой рослых мулов, которых Молли предстояло гнать в пути.

Что до либертийского каравана, его овал стоял по-прежнему нетронутым, мужчины и женщины сидели в тени фургонов. Снаряжались они так тщательно, что к последнему дню почти ничего не осталось доделывать, но степенные мужи их отряда вовсе не рвались в путь. Кучками там и сям люди перебрасывались угрюмыми односложными фразами. Они хотели присоединиться к большому каравану и проголосовали за это; но бесцеремонное отстранение их избранника Баниона — который у всех на глазах на сходе показал себя способным вести людей, — и хладнокровное назначение на его место Вудхулл, поразмыслив, показали им слишком уж самоуправным делом. Теперь они об этом говорили вслух.

— Где теперь Вудхулл-то? — спросил бородатый мужчина, что заступался за Баниона. — Вижу, Уилл вон коров своих сгоняет, а Сэм Вудхулл и пальцем не пошевелил, чтоб запрягаться да выходить к западу от города вместе с прочими.

— Это дело нехитрое, — усмехнулся другой. — Сэм Вудхулл там, где ему всегда и место, — крутится возле уингейтовской девчонки. Он сейчас в их лагере.

— Ну, я его за это не так уж и виню, признаться. И пусть себе там сидит, мне-то что. А я так вот скажу: не пойду я ни за каким Вудхуллом, а уж тем более за Сэмом Вудхуллом, солдат он там или не солдат. Выступлю, когда сам буду готов, а мне и завтрашнего утра довольно. А там уж примкнём, коли захотим.

Кто-то приподнялся на локте, кивнул через плечо. Донёсся стук копыт. Подъехал Банион, только что со своей новой работы при стаде. Он спросил про Вудхулл и, узнав, где тот, направил коня рысью через разделявшую их поляну.

— Уж и конь у него, надо сказать, — заметил один из мужчин.

— И наездник под стать коню, — кивнул другой. — Ещё может статься, что он и впереди каравана поедет, а не позади него.

Молли Уингейт сидела на траве в маленькой рошце, сплетая цепочку из стеблей одуванчика. Неподальку, в своём лучшем наряде, лежал на дёрне Сэм Вудхулл, жадно её разглядывая, с тусклым огнём в тёмных глазах. Он был так увлечён девушкой, что почти ни на что другое уже не годился. Уже несколько недель он не отходил от неё далеко. Не то чтобы Молли уделяла ему особое внимание или поощряла его. Просто, по женскому обыкновению, ей не нравилось отсылать прочь любого внимательного к ней мужчину. Сейчас же она чувствовала неловкость. Она догадывалась, что если бы не присутствие поблизости её брата Джеда, этот человек непременно объяснился бы с ней без обиняков.

Если безопасность в присутствии посторонних и была её главной заботой, то, быть может, именно поэтому взгляд Молли Уингейт вспыхнул, когда она услышала, как копыта коня Уилла Баниона плещутся в ручейке. Она вскочила на ноги, весело махнув рукой.

— А, вот и вы! — воскликнула она. — Я всё гадала, успеете ли вы заглянуть, прежде чем мы с Джедом отправимся в прерию. Отец с матерью уже перебрались к западу от города. Мы совсем готовы к выступлению. А вы?

— Да, завтра с восходом, — сказал Банион, соскакивая с седла и вовсе позабыв, зачем он сюда явился. — Тогда — в Орегон!

Он кивнул Вудхуллу, который едва удостоил его взглядом. Молли подошла к коню Баниона, кивавшему головой и беспокойно бившему копытом, как ему было свойственно. Она погладила его по морде, потрепала по взмокшей от пота шее.

— Какой у вас красивый конь, майор, — сказала она. — Как его зовут?

— Я зову его Пронто, — улыбнулся Банион. — Это значит «скорый».

— Имя ему подходит. Можно мне на нём прокатиться?

— Что? Вам — на нём?

— Ну да, конечно. С удовольствием. Я на чём угодно могу ездить. Это ваше чудное седло вполне подойдёт — гляньте, какая большая и высокая лука, не хуже вилки дамского седла.

— Да, но стремя!

— Я поставлю ногу между клапанами, повыше стремени. Поможете мне сесть, сударь?

— Лучше бы не стоило.

Молли надула губы.

— Скупой!

— Но на этом коне ни одна женщина ещё не ездила — да и не всякий мужчина, кроме меня. Не знаю, что он выкинет.

— Есть только один способ узнать.

Джед, подойдя, вступил в разговор.

— Я на нём катался, — сказал он. — Ходкий, что верно то верно, но не злой.

— Не знаю, как он поведёт себя с дамой, — всё ещё возражал Банион. — Эти испанские лошади всегда с норовом. Никогда полностью его не теряют. Тут наездник нужен настоящий.

— Думаете, я не наездница? Сейчас прокачусь и покажу вам! Я лошадей не боюсь.

— Вот это верно, — вмешался Сэм Вудхулл. — Но, мисс Молли, я бы на вашем месте не стал за этого коня браться. Возьмите моего.

— А вот и возьмусь! Уж месяц как я в седле не была. А нам всем предстоит тысячу миль либо верхом, либо в упряжке, либо пешком. Я и на этом седле, мужском, прекрасно поеду. Поможете мне сесть, сударь?

Банион подошёл к коню, тот ткнулся ему в бок головой, терясь мягкой мордой то вверх, то вниз.

— Смирный он вроде, — сказал он. — Я его сегодня утром порядком объездил. Ну, если вы уверены...

— Поможет мне кто-нибудь сесть?

Подскочил Вудхулл, подхватил её под руки и поднял её приятную тяжесть в седло. Левая нога её по счастливой случайности угодила в вырез стременного крыла, правую ногу она перекинула через высокую луку, поспешно прикрыв её схваченной юбкой, в то же мгновение уже вцепившись в тяжёлые узловые поводья. Было уже поздно. Ехать пришлось.

Банион, увидев поступок Вудхулла, успел ухватить коня за нащёчный ремень, и на мгновение конь стал безопаснее. Но то ли от испуга, то ли от гнева на непривычную ношу, с трепещущей юбкой и без опоры на бока, животное взвилось на дыбы и вырвалось у всех из рук. Ещё мгновение — и он уже мчался через ручей к открытой поляне, низко пригнув голову.

Он ещё не переходил к короткой, жёсткой на ногах повадке настоящего брыкуна, но делал длинные, размашистые, низкоголовые броски, ища собственной свободы этим способом — быть может, отчасти в некоем своём лошадином недоумении. Тем не менее рывки, ломавшие спину девушки, и рычаг, давивший на её незащищённое согнутое колено, были очевидны и жестоки.

Конь снова и снова вставал на дыбы, высоко, лягаясь, когда она осаживала его. Он приходил уже в ярость, оттого что всадница всё ещё держалась в седле. Затем, одним свирепым боковым рывком головы за другим, он бросался то так, то этак, шёл зигзагом к открытой прерии. Это уже походило на настоящий побег, а для коня такого норова и выносливости это могло означать лишь одно, сколько бы оно ни оттягивалось.

Всё случилось в одно мгновение. Банион схватился за повод слишком поздно, побежал следом — конечно, слишком медленно. Девушка молчала, потрясённая, но всё ещё держалась в седле. Ни один пеший уже не мог ей помочь.

Одним прыжком Банион оказался в седле коня Вудхулл, оставленного тут же, с брошенным поводом. Он вонзил шпоры и погнал через поле во весь опор быстрого поджарого гнедого — тому, пожалуй, было не сравниться с чёрным испанцем, дай тот полную волю, но сейчас угол сближения был на его стороне.

Молли не издала ни слова, ни крика — ни коню, ни в мольбе о помощи. По правде говоря, она была слишком напугана для этого. Но она услышала грохот копыт и высокий голос Баниона позади себя:

— Хо, Пронто! Пронто! *Vien' aquí!*

Это было почти чудом — и являло собой пример подлинного содружества человека и коня, знакомого лишь тем, кто прошёл вместе тропу; но вдруг обезумевший вороной прекратил свои броски. Развернувшись, он побежал рысью, тихо ржа, будто прося помощи, — покорный команде хозяина: «Иди сюда!» Ещё мгновение — и Банион уже держал его за нащёчный ремень. Ещё одно — и он уже спешился, с Молли Уингейт, в глубоком обмороке, на руках.

К этому времени и остальные уже увидели происшествие со своих мест в лагере фургонов. Мужчины и женщины бежали к ним. Банион уложил девушку наземь, попытался приподнять ей голову, отогнал обеих лошадей, бросился со своей шляпой к ручью за водой. К тому времени подоспел и Вудхулл, опередив людей из лагеря.

— Ты что творишь, чёртов дурак, самовольно берёшь мою лошадь без спросу! — вскинулся он. — Если она мертва — этот проклятый дикий конь — ты имел наглость...

Терпение Уилла Баниона наконец лопнуло. Он ответил одним-единственным действием, вложив в него всё своё знакомство с Сэмом Вудхуллом, всё своё мнение о нём, всё своё будущее отношение к нему.

Он бросил на землю шляпу, сдёрнул мокрую перчатку с одной руки и одним долгим тыльным взмахом ударил краем её Сэма Вудхулл наотмашь через всё лицо.

ГЛАВА VI. ВЫЗОВ БРОШЕН

В седельных кобурах у Вудхулл лежали драгунские револьверы. Он рванулся за оружием — и вправду, звук пощёчины был так хлесток, что ближайшие мужчины подумали, будто прогремел выстрел, — но каким бы стремительным ни был его прыжок, он не успел. Длинная, жилистая рука бородатого миссурийца стиснула его запястье в тот самый миг, когда он схватился за рукоять пистолета. Он обернул к нему побелевшее лицо, встретив холодный, узкий взгляд синих глаз.

— Нет, Сэм, так не пойдёт! — сказал этот человек, первым подоспевший бегом.

Пока какая-то худощавая женщина склонилась поднять голову Молли, та же жилистая рука развернула Вудхулл лицом к Баниону, который не сделал ни единого движения.

— У Уилла нет оружия, и ты это знаешь, — продолжал тот же невозмутимый голос. — Ты чего задумал — убийство, что ли, впридачу?

Он кивнул в сторону девушки. К этому времени толпа уже хлынула между двумя противниками, поднялись голоса.

— Он меня ударил! — выкрикнул Вудхулл. — Пустите! Он меня ударил!

— Знаю, что ударил, — сказал вступившийся. — Сам слышал. Не знаю за что. Но из-за девушки это было или нет, а мы не дадим пристрелить этого второго, пока не разберёмся получше. Можете сойтись после...

— Разумеется, в любое время.

Банион как раз натягивал перчатку. Женщина подняла Молли, оправила на ней одежду.

— Вся кровь! — сказал кто-то. — Эта луковица седла! И зачем она села на эту тварь?

Испанский конь стоял теперь напротив них, наострив уши, и в его взгляде из-под чёлки читалось скорее любопытство, чем гнев. Мужчины растащили противников в стороны.

— Слушай, Сэм, — продолжал высокий миссуриец, всё ещё держа Вудхулл за запястье. — Мы обоих рассудим по чести. Драться тебе, конечно, придётся — таков закон, и я его не зря усвоил в пушной торговле в Скалистых горах, да и вы тут, в поселениях, тоже его знаете. Но одно тебе скажу, Сэм Вудхулл: сделаешь хоть шаг раньше, чем мы скажем тебе как и когда, — уложу тебя на месте, вот те крест, меня зовут Билл Джексон. Обоим вам придётся подождать. Мы выступаем, а выступать нельзя как сброду. Не спешите.

— В любое время, любым способом, — просто сказал Банион. — Никто не смеет меня оскорблять безнаказанно.

— А как вы, господа хорошие, желаете драться? — осведомился человек, назвавшийся Биллом Джексон, — один из пушных промысловиков Скалистогорной компании, человек, стяжавший себе имя в приключениях на равнинах и в горах: охоте, торговле и разведке. — Оружие, полагаю, за тобой, Уилл. Вызвал-то он тебя, сдаётся мне.

— Мне всё равно. С любым оружием у него против меня нет ни единого шанса на равных, и он сам это знает.

Джексон отпустил своего пленника и задумчиво пожевал табачную жвачку.

— Дело-то из-за девицы, — сказал он наконец рассудительно. — Дело непростое; но раз уж девица выбирает промеж мужчин не по тому, кто из них скорей стреляет, а, может статься, по тому, кто сильнее, или что-то в этом роде, — так как насчёт того, чтоб на кулаках сойтись, кто кого, а мы проследим, чтоб по-честному? Один из вас, видать, за девицу бьётся. Но не сейчас. Обождите, пока не выйдем на тропу да не окажемся вне досягаемости закона. Слышал я, шериф тут где-то поблизости ошивается.

— Буду драться, как ему угодно, или как вы скажете, — сказал Банион. — Не я это затеял. Я его только по щеке хлопнул за то, что он поносил меня за то самое дело, которое ему бы

самому следовало сделать. Да, я взял его коня. Не сделай я этого, девушку бы убило. Не его заслуга, что этого не случилось. Я вовсе не хотел, чтобы она садилась на этого коня.

— Сдаётся мне, дело тут не столько в коне, сколько в девице, — рассудительно заметил Билл Джексон. — Драться вам всё едино придётся. Ну, раз уж дело в девице, так на кулаках, верно я говорю?

Он окинул взглядом остальных, собравшихся тут же бывалых пограничных бойцов. Те кивнули степенно, но с блестящими глазами.

— Ну что ж, господа, — теперь он уже отпустил Вудхулл, — даёте слово оба, что не сделаете ни шагу, пока мы не скажем? Дня через два-три, скажем так?

— Меня устраивает, — свирепо сказал Вудхулл. — Шею ему сверну.

— Когда джентльмену будет угодно свернуть мне шею, меня это вполне устроит в любое время, — равнодушно сказал Уилл Банион. — Назначайте срок, друзья. А сейчас мне надо приглядеть за своими коровами. Сдаётся мне, нашему караванному начальнику тоже не мешало бы приглядеть за своими фургонами.

— Вот это дело! — одобрил Джексон. — Вот это дело! Сэм, ступай-ка по своим делам, не то тебе и вовсе в либертийском караване не бывать! И не вздумай затевать чего в темноте особенно, потому как мы тебя где угодно выследим. Уж на этот-то раз дерись по-честному — а драться будешь, никуда не денешься!

К этому времени толпа, сгрудившаяся вокруг этой сцены, начала расходиться, редеть. Женщины хлопотали над Молли, у которой уже открылись глаза. Джед примчался бегом с мульей упряжкой и лёгким фургоном из роши, и девушку усадили рядом с ним на сиденье — ни тот, ни другая толком не поняли, что произошло в той тесной кучке немногословных мужчин, которая теперь разошлась и молча побрела назад, каждый к своему фургону.

Быт и транспорт переселенческого лагеря

ГЛАВА VII. ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

С первой тонкой полоской розового света койоты, теснившиеся по краям огромного лагеря, подняли свой извечный приветственный вой навстречу рассвету. Их гомон заглушил новый, более суровый голос — звуки горна, призывавшего вчерашних спящих к обязанностям первого дня пути. По цепи от сторожевого поста к посту передавалась команда прерий: «Запрягай! Запрягай!» Наступило утро выступления.

У фургонных артелей и семейных биваков затеплились маленькие костерки. Мужчины, мальчишки, босоногие девчонки выходили в мокрую от росы траву собирать перевозочный скот. Час этот отметился великой сумятицей, нестройной толчеей неумелых усилий. Но спустя час ожидания, когда всё наконец пришло в некое подобие порядка, по цепи передалась следующая команда:

— Трогай! Трогай!

И вот наконец начался поход на Орегон! Первую пыль, поднятую воловьим копытом, взметнул щелчок бича босоногого мальчишки в джинсах, который и не мечтал, что однажды займёт видное место в советах своего штата, на берегу океана, какого ни один степной мальчишка вовсе и не воображал.

Стрелка компаса тропы, выходившей из лесных рощ, указывала в море зелени вдоль долины Кау. Трава, ещё не настолько высокая, чтобы по-настоящему колыхаться волнами, как это будет через две недели, стояла, покачиваясь, над чёрной выжженной землёй, что оставили осенью полудивилизованные индейцы. Её усеивали цветы, порой белые, точно осколки старой слоновой кости на этом необъятном пенном ковре, — розовая вербена, дикий индиго, живокость и дикая герань — всё сплетено в дивный расшитый узорами ковёр. Порой попадались и робкие бутоны дикой душистой розы, прекраснейшего цветка прерии. Высокие смолёвки уже поднимались буйно, заросли подсолнухов готовились раскинуть свои жёлтые стяги на многие мили вширь. Щедрая, манящая земля лежала бесконечной чередой пологих волн, простираясь без края до дальних горизонтов — в такой смене исполненных изящества и очарования картин, что вызывала восторг даже у этих простых людей, граничащий с иступлением.

Здесь лежал Запад — дикий, изобильный, прекрасный. Уж он-то, казалось, не мог принести вреда никому.

Людям недоставало опыта походного строя, животные были непослушны. Строй каравана — неуклюже пытавшийся подчиниться приказу Уингейта идти в четыре параллельные колонны — вскоре расстроился. Порой фургоны останавливались, чтобы перестроиться заново. Начальники скакали взад и вперёд, увещевая, понукая и мало-помалу восстанавливая хоть какое-то подобие системы. Но имели они дело с людьми независимыми. Впереди пейзаж выглядел настолько безмятежным, что для большинства дорога на Дальний Запад казалась не более чем увеселительной прогулкой. Уингейт и его ближайшие помощники изрядно вымотались, когда к середине дня они остановились, пройдя пятнадцать миль от Уэстпорта.

— Какого дьявола вы так рано встаёте? — угрюмо потребовал ответа Сэм Вудхулл, подскочив от своей колонны, шедшей далеко позади, и обратившись к начальнику каравана. — Мы вполне можем пройти ещё пять миль, а то и все десять. Этак мы вовек не доберёмся.

— Вот таким-то путём мы как раз и доберёмся, — возразил Уингейт. — Пока я капитан, я и буду решать, когда трогаться и когда вставать. Но я рассчитывал на тебя, Вудхулл, что ты примкнёшь ко мне и поможешь всё уладить.

— Что ж, сдаётся мне, ты как всегда порядком дерзок, — заметил другой голос. Билл Джексон подошёл и встал рядом с капитаном. Весь день он держался неподалёку от Вудхулла. — Ты чёртов дурак от природы, Сэм Вудхулл, — сказал он. — Кто это тебя выбрал капитаном каравана, и когда это было? Коли тебе не по нраву, как ведётся этот караван, — ступай впе-

рѣд да заводи свой собственный, коли уж так тебе угодно. Выступай хоть нынче ночью. Что скажешь, кэп?

— Я и вправду не могу никого удержать ни от того, чтобы повернуть назад, ни от того, чтобы уйти вперѣд, — ответил Уингейт. — Но я рассчитывал на Вудхулл, что он удержит эти либертийские фургоны вместе. Всякий, кто знает прерии, скажет вам: маленький отряд сильно рискует.

— С каких это пор ты стал знатоком прерий? — насмешливо бросил недовольный, на этот раз позабыв в собственном угрюмом раздражении свою обычную политику заискивания перед Уингейтом. Он весь день так и не смог поговорить с Молли.

— Что ж, коли он ещё и не знаток прерий, так станет им, а я вот прямо сейчас им и являюсь, Сэм Вудхулл. — Джексон встал прямо напротив своего начальника. — Я говорю, он дело говорит человеку, у которого дела в голове нет. Я тоже был с Донифаном. Мы находили способы, а?

Его прямой взгляд выдержал взгляд противника, и тот развернулся и поехал прочь. Но в ту же самую ночь восемь человек, тайно подстрекаемых или ободряемых Вудхуллом, их предводителем, явились к костру начальства с совместной жалобой. Они требовали себе мест в голове колонны, иначе грозились взбунтоваться и уйти вперѣд все вместе. Они говорили, что хорошим мулым упряжкам не пристало глотать пыль из-под воловьих фургонов.

— Что скажете, друзья? — беспомощно спросил начальник каравана своих помощников. — Я склонен пустить их вперѣд.

Остальные молча кивнули, многозначительно переглянувшись. Уже начинали складываться кружки и партии.

Вудхулл, впрочем, слишком многим рисковал, чтобы затевать открытую распрю с начальником каравана. Своё место у офицерского костра он ценил дорого, ведь оно держало его поблизости от фургонов Уингейтов и хоть на виду — если не более того — у Молли. Та молодая особа за весь день не сказала ему ни слова и, едва отужинав, рано задёрнула полог своего фургона, отказавшись принимать кого бы то ни было.

Что до Баниона, он находился за много миль позади, в лагере при своих собственных фургонах, которые Вудхулл бросил, и в ту ночь нёс дежурство при стаде — уже пастухом, а не предводителем людей. Сам он был достаточно мрачен, когда, привязав плащ за седлом, выехал верхом на своём вороном коне в тени. Он не знал, что в ту ночь старый горец Джексон, закутавшись в одеяло, устроил собственный, никому не ведомый караул.

Сотни костров растянувшегося на пять миль по рощам и полянам каравана, к концу первого беспорядочного дня пути, угасали, тлели и гасли совсем. Позади остался первый день пути на Орегон, и все порядком устали. Вскоре отдельные лагеря затихли, и только слышалось похрапывание или покашливание привязанного скота да заунывный вой рыскающих поблизости койотов. В миссурийском лагере, замыкавшем караван и возглавлявшем большой прогон скота, крепкие поселенцы фронта, по своему обыкновению, вскоре последовали за солнцем на покой.

Ночь тянулась, невероятно медленно для новичка, впервые заступившего на стражу по закону прерий. Небо уже слегка розовело, и тени становились светлее, когда вдруг тьму прорезала вспышка огня, а тишину разорвал треск пограничного ружья. А затем раз за разом донёсся более тяжёлый лай драгунского револьвера — из тех, что как раз начинали появляться на западных рубежах.

В лагере поднялась суматоха. Уилл Банион, только что подъехавший, чтобы наконец занять своё запоздалое место в постели, едва не сбил с ног рослую фигуру Билла Джексона с ружьём в руках.

— Что случилось, приятель? — потребовал ответа Банион. — В мула стрелял?

— Нет, в человека, — прошептал тот. — Он побежал вон туда. Видать, промазал. Трудно прицелиться по мушке в темноте, я тут больше по пистолету пальнул наудачу. Бежал он быстро.

— Кто это был — вор какой?

— Похоже на то. Крался к твоему фургону, я его окликнул, а он бежать.

— Не знаешь, кто это был?

— Нет. Погляжу на следы, как рассветёт. Иди ложись. Я тут ещё посижу, парень.

Когда рассвело, ещё не окончив своего долгого бдения, Джексон уже склонился над отпечатками ног на влажных местах почвы.

— Высокий человек, молодой, шёл чисто, — пробормотал он себе под нос. — Щегольские сапоги, каблук небольшой. Жаль, промазал!

Но он ничего не сказал ни Баниону, ни кому другому. Это был уже двадцатый раз, когда Билл Джексон, один из людей Саблётта и племянник одного из его компаньонов, пересекал равнины, и одиночество нравилось ему больше всего. По большей части он сам себе был законом и присоединился к этому каравану лишь потому, что так ему было удобнее, ведь старые выючные караваны пушной торговли теперь ушли в прошлое. Сам он замышлял осесть в восточном Орегоне — краю, что когда-то, давным-давно, ещё в дни бобрового промысла, мельком видел, лет двенадцать назад. Восточные поселения довольно долго его удерживали, армейская служба была слишком скучна, даже при Донифане.

— Видать, старею, — пробормотал он себе под нос, направляясь к костру, где готовился завтрак. — Промазал — с семидесяти-то шагов!

ГЛАВА VIII. ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

Более двух тысяч душ насчитывал великий караван, растянувшийся на много миль по упругому дёрну и тучным приречным землям. Здесь было больше тысячи детей, больше сотни младенцев на руках, больше полусотни девиц на выданье, преследуемых жадными до них уха-жёрами. Были тут души смелые и слабые, упряжки крепкие и хилые, грузы тяжёлые и лёгкие, соседские кружки и содружества единой крови или единого духа.

У рядовых участников хватало причин для перестановок в колонне. Возниц по имени Хелен насчитывался целый десяток — причин для тщеты всех попыток навязать произвольный порядок движения было предостаточно. Человеческие уравнивания, человеческие частицы неизбежно, хотя бы они того или нет, находили себе своё место. Потому-то в первые три-четыре дня пути великий караван мало чем отличался от сброда. Четыре колонны распались уже к середине первого дня. Слабо сплочённая организация катилась вперёд неровной, вспенившейся волной, по десять, пятнадцать, двадцать миль в день, и теперь во главе шли люди с лошадьми и мулами. Далеко позади, замыкая одну лишь коровью колонну, брели худощавые люди из Либерти, шагая рядом со своими раскачивающимися воловьими упряжками, то и дело понукая их однообразным «Цоб-цобе, пошёл, Бак да Стар!» Вскоре они миновали развилку, где орегонская дорога отходила от тропы на Санта-Фе, и поднялись на водораздел, что отделял их от большей долины Кау.

Полдень пятого дня привёл их к разлившемуся потоку этой самой реки, у переправы, известной как Папинский паром. Здесь у полумодернизированных индейцев и торговцев имелся единственный грубый паром — плоскодонка, которую двигали то шестами, то силой течения, упираясь в трос. Немногословные индейцы не давали никаких советов насчёт брода. Им нужен был заработок с переправы. Прошёл слух, что в нескольких милях выше есть и другие броды. Царила всеобщая нерешительность, и теперь караван начал скапливаться на южном берегу реки.

Ближе к вечеру разведчик Джексон прискакал обратно к стаду, где как раз трудился Банион, и осадил коня, явно чем-то недовольный.

— Уилл, — сказал он, — пусть парни теперь сами едут, а ты давай наверх, к нам. Ты нам нужен.

— Что стряслось? — потребовал ответа Банион. — Ещё что-то худое?

— Да. Старый дурень затеял свару из-за парома. Этим путём нас всех перевозить — да тут и за две недели не управись. Он объявил, что будем переправлять всё хозяйство вброд, со всем скарбом. Чтобы сберечь несколько долларов, он погубит уйму грузов да утопит уйму женщин и детей — вот что он затеял. Кое-кто из нас велел остановиться и настоял на совете. Хотим, чтоб ты тоже поднялся.

— Вудхулл там, — добавил он. — Он, само собой, на стороне старика. Весь день до сих пор проезжал на одном сиденье с той девушкой. Бог весть, что он там наговорил или натворил. Не пора ли уже, майор?

— Пора, — тихо сказал Уилл Банион.

Они поехали бок о бок мимо больше чем мили крытых фургонов, теперь почти сомкнутых один за другим, — колонны непрерывно сближались. У берега реки, у головы переправы, они застали толпу человек в пятьдесят. Ряды расступились, пропуская Баниона и Джексона, но Банион не пытался вступить в совет, на который его не приглашали.

Полдюжины цивилизованных индейцев из племени кау, владельцы или же операторы парома, сидели невозмутимой шеренгой поперёк носа плоскодонки у причальной сходни, не глядя ни вправо, ни влево, в ожидании воли белых людей. Банион подъехал прямо к ним.

— Насколько глубоко? — спросил он.

Они понимали, но отвечать не желали.

— Прочь с дороги! — крикнул он и направил коня прямо на них. Они разбежались. Он прищипорил коня, чёрного испанца, провёл его через сходню и по всей длине палубы плоскодонки, тот фыркал; на дальнем конце он вонзил шпоры и намеренно бросил его в стремительный, мутный поток.

Конь скрылся под мутной поверхностью воды. Видно было, как всадник погрузился по самые подмышки; видно было, как он соскользнул с седла и поплыл против течения. Отважный конь взял было курс на самую стремнину, но хозяин вскоре повернул его вниз по течению, к берегу. Сотней ярдов ниже они выбрались на отмель и вскарабкались на берег.

Банион подъехал к кругу совета и сел, весь мокрый насквозь. Он привёз не речь, а действие, не теорию, а факты, и не сказал при этом ни слова.

Взгляд его быстро прошёлся по собравшимся, задержавшись на фигуре Сэма Вудхулла, сидевшего на корточках. Словно в ответ на вызов этого взгляда, тот поднялся.

— Господа, — сказал он, — я лично не руководствуюсь одним лишь пустым бахвальством. Да, это вплавь придётся, любой дурак это поймёт, кроме вон того одного. Но я вот что скажу: нам не по средствам тратить здесь время, возясь с этой лодкой. Придётся плыть. Я согласен с вами, Уингейт. Эту реку переходили вброд караваны уже годами, и не вижу причин быть трусливее тех, кто прошёл её в прошлом году и раньше. Это старая переправа пушных торговцев, здесь переходили мормоны, перейдём и мы.

Молчание встретило его слова. Люди постарше смотрели на разбухший поток, потом переводили взгляд на всадника, который только что его испытал.

— А что скажет майор Банион? — раздался чей-то голос.

— Ничего! — таков был ответ Баниона. — Разве я состою в вашем совете?

— Состоишь, не хуже любого здесь, — заговорил Калеб Прайс, и Холл с Келси прибавили своё согласие. — Слезай. Иди сюда.

Банион бросил повод Джексону и вошёл в круг, поклонившись Джесси Уингейту, который восседал председателем.

— Разумеется, нам всем интересно, что скажет мистер Банион, — сказал тот. — Он уже доказал часть дела делом. Мне всегда говорили, что у Папинского паромы можно частью пройти и вброд. Сейчас непохоже на то.

— Река высокая, мистер Уингейт, — сказал Банион. — Если спросите меня, я предпочту переправу лодкой, а не вброд. Я бы переправил женщин и детей на этой лодке. Можно сколотить ещё несколько из ящиков фургонов. Если потекут — обошьём шкурами. На лесопилке при миссии есть немного досок. Давайте сколотим ещё лодку-другую. Уж лучше перестраховаться, чем потом жалеть, господа; и поверьте, там впереди вода тяжёлая.

— Никогда не видал Кау такой полноводной, — подтвердил Джексон, — а я переходил её раз двадцать в весенний паводок. Делайте как хотите, а старый Миссури пойдёт медленно да с оглядкой.

— Половина вас, либертийских, просто шайка чёртовых трусов! — усмехнулся Вудхулл. Наступило молчание. Его прервал ледяной голос.

— Полагаю, это относится ко мне? — сказал Уилл Банион.

— К тебе и относится, если желаешь принять это на свой счёт, — отозвался его недруг. — Не считаю нужным, чтобы один-два труса задерживали весь караван.

— Оставим вопрос о задержке каравана — сейчас никто никому не мешает переправляться. Я лишь хочу спросить тебя: ты считаешь меня трусом только за то, что я советую осторожность?

— Это ты тут всех придерживаешь.

— Отвечай мне! Это ты мне говоришь?

— Тебе и говорю, да, тебе именно! — вспыхнул Вудхулл.

— А я тебе скажу, что ты лжец, и ты сам это знаешь, Сэм Вудхулл! И если это будет угодно твоим друзьям и моим, я бы хотел, чтобы сейчас распорядились насчёт незавершённого дела.

Не все присутствующие поняли, о чём речь, ибо лишь немногие знали о происшествии на месте сбора — миссурийцы держали язык за зубами в растянувшемся, разрозненном караване, где люди порой не встречались по нескольку дней. Но Вудхулл знал, и вскочил на ноги, схватившись за револьвер. Рука Баниона столь же быстро потянулась к мокрой седельной кобуре, к которой он бросился, — и, быть может, тогда бы кто-то из двоих был убит, если бы не Билл Джексон, врезавшийся между ними верхом.

— Сделаешь хоть шаг — уложу! — крикнул он Вудхуллу. — Ты дал слово.

— Ладно, сдержу, — прорычал Вудхулл.

— Уж постарайся! А теперь слушайте! Видите вон тот высокий тополь, в полумиле вниз по реке — тот, с плоской верхушкой-зонтиком, вроде кипариса? Видите? Так вот, через полчаса будьте там с тремя своими друзьями, не больше. Я буду там со своим человеком и тремя его друзьями, не больше, и одним из этих троих буду я сам. Полагаю, наше дело — проследить, чтоб всё было по-честному. И полагаю, что незавершённое дело останется незавершённым не более, чем до заката.

— Тебя это устраивает, Уилл?

— Таково наше обещание. Офицеры обычно не дерутся таким манером, но вы сказали, что так тому и быть, и мы оба согласились. Я согласен и сейчас.

— А вы, остальные, все держитесь в стороне, — мрачно сказал Билл Джексон. — Это дело маленькое, и мы, миссурийцы, уладим его сами, на свой лад и в своём лагере. Не ваше это дело. Наше, и с лихвой хватит.

Люди повскакивали на ноги по всему берегу реки. Индейцы поднялись, украдкой спустились вниз по берегу.

— Драка!

Слово быстро полетело по рядам. То был день личных столкновений. Собрание это по большей части состояло из людей, привычных к схваткам. Но некое чувство приличия побудило сторонников поспешить прочь, подальше от глаз и ушей женщин.

Тополь с куполообразной кроной стоял на небольшой прогалине, что уже лет тридцать служила местом дуэлей. Трава была ровной и плотной шагов на пятьдесят в любую сторону, и свет в этот час не благоприятствовал ни одному из противников.

Для Баниона, явившегося без промедления, Джексон привёл с собой двух человек. Один из них был плантатор по фамилии Диллон, другой — не кто иной, как дородный Калев Прайс, один из избранных капитанов Уингейта.

— Не позволю превратить это в политику, — сказал он. — Я северянин, но мне по душе, как повёл себя этот молодой человек. Начальство каравана обошлось с ним нечестно. Теперь пусть будет честно.

— Мы за то, что так и будет, — мрачно сказал Диллон.

Он был при полном оружии, как и все секунданты. За Вудхулла выступили кентуккиец Келси, юный Джек Уингейт — последний по настоятельной личной просьбе самого Вудхулла — и второй капитан каравана, Холл. Так что, по-своему, личная распря этих двух горячих голов в известной мере затронула весь караван.

— Разденьте своего человека, — скомандовал рослый горец. — Мы готовы. Драться до тех пор, пока кто-нибудь не запросит пощады; стоять по-честному, пятка к носку, никаких ударов головой или тычков в глаза. Первый, кто нарушит эти правила, получит пулю. Так ли вы это понимаете, господа?

— Именно так мы это понимаем, да, — подтвердил Келси.

— Так и проследите, чтоб соблюдалось, потому как мы своё дело сделаем, — заключил Джексон.

Он отступил назад. С противоположных сторон оба противника шагнули вперёд. Не было ни ринга, ни хронометриста, ни единого судьи. Не было раундов, не было установленного времени. Это был мужчина против мужчины, ради самой древней и самой горькой из всех причин — женщины.

ГЛАВА IX. ЗВЕРЬ

Между двумя рослыми мужчинами, стоявшими друг против друга, раздетыми до брюк и обуви, выбрать было почти не из чего. Вудхулл, пожалуй, имел небольшое преимущество в весе и, по правде говоря, без одежды выглядел куда менее неуклюжим, чем в ней. Его мускулатура была длинной и жилистой. Он был в отличной форме.

Банион, моложе своего соперника на два года, был сам по себе крепок и строен, поджар в боках, чуть шире и полнее в плечах. Руки его перекачивались лёгкими лентами мышц, тело было закалено природной силой молодости и жизнью на вольном воздухе. Взгляд его неотрывно был устремлён на противника. Он не говорил и не отворачивался, а просто пошёл вперёд.

Не было ни предисловий, ни промедления. В одно мгновение начался этот саксонский суд поединком. Оба бойца сошлись стремительным рывком.

В центре ристалища они сцепились, тело к телу, в кружащей свалке. Ни тот ни другой не владел настоящей наукой бокса, да и подобная манера драки была неведома в этих краях — главным было нападение, а защита оставалась делом второстепенным. Глухой стук кулака о лицо, синяки, вздувавшиеся от диких ударов, кровь, сочившаяся и разлетавшаяся брызгами, — всё это доказывало, что боевая кровь обоих этих безумцев взыграла, так что они не чувствовали боли, как не знали и страха.

В первой схватке, как выразились бы очевидцы, преимущество не досталось ни одному, и оба вышли из неё изрядно помеченными. В бою того времени и того места не было ни правил, ни периодов, ни передышек. Раз уж их отправили в бой, дело было целиком в руках самих бойцов, с весьма немногими ограничениями насчёт запрещённых приёмов.

Они сходились и расходились, окровавленные, задыхающиеся, раз, другой, добрый десяток раз. Банион бился медленно, осторожно.

— Сделаю без правил, коли посмеешь! — выдохнул наконец Вудхулл.

Они снова разошлись — обоим просто не хватало дыхания. Он имел в виду, что не станет ничего запрещать; вернётся к тем временам Буна, Кентона и Гирти, когда волосы, глаз, любая часть тела считались честной мишенью.

— Ты меня не смеешь пугать! — отозвался Уилл Банион. — Как скажут мои секунданты, так и будет.

Юный Джед Уингейт, вдруг побледнев, стоял рядом и не возражал. Лицо Келси было каменно-спокойно. Маленькие глазки Холла сузились, но и он придерживался этикета невмешательства в дело мужчины с женщиной, хотя происходившее здесь могло обернуться смертью. Увечье, гибель могли теперь последовать, а не просто поражение. Но все ждали слова другой стороны.

— Готов ли ты на это, Уилл? — спросил наконец Джексон.

— Я его не боюсь, как бы он ни пошёл, — ответил Уилл Банион. — Мне это не по душе, но всё это мне навязали силой.

— Как бы не так! — воскликнул Келси. — Я слышал, как ты называл моего человека лежецом.

— А он моего называл трусом! — вмешался Джексон.

— Он и есть трус, — усмехнулся Вудхулл, задыхаясь, — не то не мешкал бы сейчас. Бойтся, что я ему глаз вырву, чёрт бы его драл!

Уилл Банион обернулся к своим друзьям.

— Мы вообще джентльмены или нет? — сказал он. — Нам что, откатываться на сто лет назад?

— Если твой человек боится, объявляем победу за нами! — воскликнул Келси. — Готовь своего бойца!

— Быть по сему! — сказал Уилл Банион. — Не беспокойся обо мне, Джексон! Я его не боюсь, и думаю, что могу его одолеть. Пусть будет без правил! Я тоже ничего не запрещаю, и он не может! Отойдите!

В следующей схватке первым бросился Вудхулл, уверенный в своём умении драться без правил. Он ощутил у своего горла горизонтальную руку врага. Он вырвал его запястье собственной рукой, но получил тяжёлый удар в висок. Оборона противника привела его в слепую ярость. Он забыл обо всём, кроме контакта, бросился вперёд, сомкнулся и стиснул противника в мускулистых объятиях. Бой тотчас превратился в борцовскую и потасовочную схватку фронта. И правил не было! Каждый мог убить или искалечить, если бы сумел.

Борцовские захваты фронтисменов были немногочисленны и примитивны, но действенны в руках мастеров; и не было ни одного мальчишки, который не изучал бы все эти приёмы как святыню — в те времена, когда физическая доблесть была самым достойным восхищения качеством мужчины.

Каждый боец пробовал рывок вперёд с подсечкой, что порой срабатывало против не слишком опытного противника; но эти азы не принесли результата ни тому ни другому. Банион уклонился и вошёл в захват через бедро, так стремительно, что Вудхулл оторвался от земли. Но инстинкт подсказал тому ухватиться одной рукой за воротник врага. Он широко расставил ноги и отбросил вес в сторону, так что всё же устоял на ногах. Он хорошо знал: человек должен во что бы то ни стало держаться на ногах. Горе тому, кто упадёт, когда бой без правил! Ответом ему стал змеиный рывок вплотную в объятия противника, стремительный бросок ноги между ног другого — «виноградная лоза», приём, который порой срабатывал, если выполнить его быстро.

Выполнено это было быстро, но не сработало. Другой раздвинул ноги, навалился на него — и в мгновение ока ответил страшным паховым захватом фронта, о котором иные хвастались, что от него в их руках не спасётся никто. Вудхулл бросило наземь, но он вырвался, поднялся, снова кинулся вперёд и сцепился заново; так что они снова стояли тело к телу, тяжело дыша, красные, дикие, как всякий бьющийся зверь, и ещё безжалостнее. Секунданты все стояли на ногах, едва дыша.

Они толкались, испытывая друг друга в чистой пробе сил, и каждый ощущал непреклонную силу другого. Но дыхание Баниона по-прежнему было ровным, взгляд его не выказывал тревоги за исход. Оба теперь были в крови, и сами, и одежда. И тут одним взмахом чаша весов накренилась против бросившего вызов, дерущегося насмерть.

Банион схватил противника за запястье и, стремительно, точно вспышка, пригнулся, повернувшись к нему спиной и заведя руку врага себе через плечо, слегка развернув её так, что локтевой сустав оказался под угрозой, и боль должна была быть невыносимой. Это был один из приёмов джиу-джитсу, открытый заново, быть может, в это самое мгновение; во всяком случае, новый приём для борцовской школы фронта.

Секунданты Вудхулл увидели, как на его лице проступила гримаса боли, увидели, как он вздрогнул, как он изогнулся, как поднялся на цыпочки. Затем внезапным приседающим рывком Банион бросил его во весь рост перед собой, на спину! Прежде чем тот успел шевельнуться, он уже был сверху, прижимая его к земле. Из шести наблюдавших вырвался глухой ропот.

При обычном падении человек мог бы перевернуться, мог бы вырваться. Но Вудхулл сам обрек себя на гибель, объявив бой без правил. Одноглазые люди, обычно старики, в этот день припоминали разговоры о древней и ужасной войне минувшего поколения, когда единственной целью было уничтожение противника и любое средство считалось честным, коли бой шёл без правил.

Но секунданты обеих сторон не подняли и руки, когда увидели, как большие пальцы Уилла Баниона вдавились в верхний край глазниц его врага.

— Признаёшь, что довольно? — выдохнул победитель.

Стон вырвался из беспомощного тела внизу.

— Я ли лучший? Одолею ли я тебя? — потребовал голос сверху, по предписанной формуле.

— Давай — делай своё! Вырви ему глаз! — свирепо скомандовал Билл Джексон. — Он же сам тебе сказал: без правил! Только не медли!

Но победитель вскочил на ноги, стряхнул кровь с собственных глаз, покачнулся.

Руки поверженного врага закрывали его глаза. Но даже когда его люди подбежали, наклонились и отвели эти руки, победитель воскликнул:

— Не стану! Говорю вам, я не стану тебя калечить, без правил там или с правилами! Вставай!

Так Вудхулл узнал, что глаза его пощадили, какой бы ни была боль в истерзанных нервах вдоль глазничной кости.

Он поднялся на колени, затем на ноги, лицо его было мертвенно-бледным от внезапного осознания поражения, и хуже того — от великодушия победителя, если можно было так это назвать. Унижение было горше боли. Он пошатнулся, всхлипывая.

— Не приму от тебя никакого подарка!

Но теперь между ними встали свои же люди, каждый к своему. Юный Джек Уингейт оттолкнул назад своего.

— Кончено! — сказал он. — Не будешь ты больше драться с человеком, который тебя отпустил. Ты бит, и по твоим же собственным словам могло быть куда хуже!

Сам он подал Уиллу Баниону его куртку.

— Сходи за ведром воды, — сказал он Келси, и тот удалился.

Банион отошёл в сторону, избитый и бледный под собственными ранами.

— Не хотел я драться с ним таким манером, — сказал он. — Я оставил ему глаза, чтобы он мог снова меня видеть. Если он захочет, я готов встретиться с ним любым способом. Надеюсь, он не затаит злобы.

— Дурак ты! — сказал старый Билл Джексон, отводя Баниона в сторону. — Знаешь ли ты, что говоришь? Покуда он там лежал, я разглядел подошвы его сапог. Щегольские, доложу я тебе, с небольшими такими каблучками! Эта скотина убьёт тебя в темноте, Уилл. Надо было выколоть ему оба глаза!

Внезапный звук заставил всех обернуться. Затрепал подлесок, раздался женский крик. У края огромного дерева стояла фигура, которой там быть не полагалось. Все замерли, лишившись дара речи.

Это была Молли Уингейт, теперь она стояла перед ними всеми, переводя взгляд с одной окровавленной, обнажённой фигуры на другую. Она увидела, как Сэм Вудхулл стоит, всё ещё держась руками за лицо; уловила какой-то смысл в словах Джексона, услышанных, когда она вошла на поляну.

— Ты! — вспыхнула она, обращаясь к Уиллу Баниону. — Ты хотел выколоть человеку глаза! Зверь!

ГЛАВА X. СТАРЫЙ МИССУРИ

Молли Уингейт переводила взгляд с одного на другого в группе молчаливых, пристыженных мужчин. В недоумении она снова обернулась к победителю этой дикой схватки.

— Ты!

Уилл Банион подхватил свою одежду, отвернулся.

— Ты права! — сказал он. — Я был зверем! Прощай!

Мгновение спустя Молли обнаружила, что осталась одна, если не считать брата.

— Джек, что здесь произошло? — потребовала она ответа.

Джек сделал глубокий, прочувствованный откус табачной жвачки.

— Ну, был у них тут небольшой спор, — сказал он наконец. — Ревность, поди, какая-то, вроде того, знаешь ли — из-за места в караване, или ещё чего. Это дело мужское. Тебе тут делать нечего было.

— Но это же был позор!

— Может, и так.

— Кто это затеял?

— Оба. Мы тут только за тем были, чтоб всё честно прошло. Мужчинам иной раз драться приходится.

— Но не как звери, не хуже дикарей!

— Ну, дико было, местами, сестрёнка, что верно то верно.

— Они говорили — про глаза — ох!

Девушку передёрнуло, руки её потянулись к собственным глазам.

— Да, объявили без правил. Будь на его месте кто другой, Сэм Вудхулл сейчас бы горько пожалел. Тот, другой, бросил его наземь начисто и держал его прижатым, но отпустил. Он ничуть не тронул глаза Сэма, только слегка прищемил ему голову. Имел полное право, да не стал. Дело надо было решить, и решили его честно, даже более чем честно — им.

— Но, Джек, — тут в ней заговорила извечная женская натура, — так кто же на самом деле победил?

— Уилл Банион, я ж тебе сказал! Ты его оскорбила, и он ушёл. Раз уж ты явилась туда, где тебе вовсе не были рады, думаю, лучшее, что ты можешь сделать, — вернуться к своему фургону и там оставаться. Что с катанием на лошадях, на которых тебе не следовало кататься, что с разглядыванием драк, в которых ты ни черта не смыслишь, — думаю, довольно уже ты натворила бед. Пошли!

— Прайс, — сказал Билл Джексон степенному молчаливому человеку, шагавшему с ним к каравану, за дуэльной поляной, — это дело решило всё. Наши миссурийские фургоны больше не пойдут под началом такого человека, как Сэм Вудхулл. Мы его никаким боком не выбирали — его назначили. По большей части выбранное лучше назначенного. А я и прежде видал: не удержится человек на тропе, коли не годеи. Мы выберем себе в капитаны Уилла Баниона, а вы, ребята, ступайте к чёрту. Мы затем в путь и тронулись, чтобы в Орегон идти.

— Но это же значит, что караван раскалывается!

— Уж это точно! Он уже сейчас расколот. Но либертийских фургонов достаточно, чтоб пройти и без чьей-то помощи. Мы весь остальной этот караван могли бы поколотить, коли понадобится, не говоря уж об индейцах время от времени.

— Сегодня же ночью, — заключил он, — мы двинемся вверх по реке, а вам, ребята, оставим лодку и весь Папинский паром, переправляйтесь как хотите. Нет такого человека, снаряжения, реки или краснокожего, которого Старый Миссури не одолел бы, бери их как есть, пусть хоть сами назначают захваты да правила. Мы вам это уже доказали. И ещё докажем. Так что прощайте. — Он протянул руку. — Ты помог нам всё по-честному провести, и ты человек

честный, будем скучать. Коли понадобится помощь — приходи к нам. А Старому Миссури помощь не понадобится.

— Что ж, Вудхулл сам-то из ваших, миссурийцев, — заметил Прайс.

— Да, да только не той породы вышел. А вот майор Банион — той самой. Это я его заставил драться на кулаках, а не оружием. Не хотел он, да у меня своя причина была. Доволен я и спокоен, как оно всё обернулось. Коли Уилл ту девицу больше не увидит — так она того и не стоила, чтоб на неё смотреть.

— Полковника Уильяма Баниона вы найдёте во главе его собственного каравана. Он человек годный, он это доказал в бою — вот доказал так доказал.

ГЛАВА XI. КОГДА ВЕСЬ МИР БЫЛ МОЛОД

Молли Уингейт стояла на коленях у своего очага на следующее утро, а муж её тем временем нетерпеливо дожидался завтрака. По всему скоплению тесно составленных фургонов поднимался нестройный гул деятельности у сотни таких же очагов.

— Где Молли-младшая? — потребовал ответа Уингейт. — Пора уже сниматься и трогаться.

— Она с Джедом пошли за скотом. Ну, ты же слышал вчерашние новости. Тебе придётся найти кого-то другого, чтобы вести стадо. Если каждая семья погонит свой собственный гуртовой скот сама, всё перемешается вконец. Либертийские фургоны снялись ещё на рассвете. Ну хоть лесопилку да лодку нам оставили.

— Сэм Вудхулл, тот спешит обогнать миссурийцев, — добавила она. — Говорит, возьмёт лодку так и так, а такую грабительскую цену, что запрашивают эти кау, платить не станет.

— Одно скажу: хоть бы уже переправиться, — проворчал Уингейт, склоняясь над сковородой с беконом.

— Ха! Вот и я о том же — я, и мой комод, и мои куры. Да уж, повозишься тут немного, вы, мужчины, и до того же дойдёте, до чего дошёл ваш прежний начальник над скотом: побольше лодок строить будете, поменьше вплавь пускаться. Жалко, что он от нас ушёл.

— Из-за девчонки это, — назидательно сказал муж.

— Да. Но, — с мрачной усмешкой, — из-за одной ссоры разлуки не бывает.

— Она же как обещанная Сэму Вудхуллу, Молли, и ты это знаешь.

— Пока его не отделал полковник Банион.

— Полковник! Хорошо дело для офицера! Вудхулл мне сказал, что споткнулся, а тот, второй, оказался сверху и чуть не выдавил ему оба глаза. И ещё много чего мне рассказал. Банион — предатель, раскалывает караван. Без таких мы и обойдёмся.

— Обойдёмся ли? — возразила жена. — Мне вот подумалось...

— Не важно, что тебе там подумалось. Он из тех непокорных, строптивых — приказов не признаёт, вечно смуту заводит. Мы этой шайке ещё покажем. Я велел построить ещё три плоскодонки да проконопатить швы в ящиках фургонов.

И вправду, план переправы Баниона в конце концов был воплощён, и хотя тем временем река спала на фут, от попытки перейти вброд всей массой отказались. Мало-помалу лагеря фургонов собирались на северном берегу, каждая семья разбирала свои пожитки, участвуя в общем *saive qui peut* — спасайся кто может.

О миссурийской колонне вестей не было, но ходил слух, что они переправляются медленно, одной лодкой да своими сдвоенными ящиками фургонов, обшитыми шкурами. Вудхулл рвался вперёд, обогнать этот отряд, севернее. У него были на то личные причины. Не слишком довольный улыбками, которыми встречали его объяснения насчёт синяков на лице, он вдруг решился взять с собой отряд из своих ближайших соседей и приверженцев и вырваться вперёд миссурийцев. Своё решение он объяснил необходимостью разведочного отряда — разыскать траву и воду.

Большинство из тех, кто к нему присоединился, были неженатые мужчины, из беспокойного сорта. Семейных фургонов среди них не было. Они заявляли о своём намерении идти быстро и налегке, пока не доберутся до бизоньих мест. Этот отряд выступил раньше главного каравана, который ещё не завершил переправу через Кау.

— Трогай! Тро-о-о-гай! — донеслась наконец вновь скорбная команда по цепи.

Она достигала ушей иных, кто не желал повиноваться. Караван начал распадаться прямо на старте. Тоска, навеванная долгой задержкой у брода, у некоторых обернулась настоящим страхом, граничившим с паникой. Одни отряды соседей говорили, что весь караван должен

дождаться военного сопровождения; другие заявляли, что дальше на запад не пойдут, а повернут назад и осядут здесь, где земля так хороша. Третьи говорили, что всем следует стоять здесь, при хорошей траве и воде, пока не придёт вест от каравана из долины Платт и пока не решат окончательно, что делать. Несмотря на все усилия начальства, общее движение растянулось на две-три мили. Быстрая утрата порядка, эти преждевременные разделения каравана не предвещали ничего доброго.

Теперь начали сказываться и обычные тяготы пути. Днём их одолевал целый мор зеленоголовых мух и крылатых муравьёв, а ночью комары превращались в почти невыносимую напасть. Женщины и дети не могли спать, лошади всю ночь стонали под тучами мучителей, что на них слетались. Как ни рано было в году, солнце порой пекло нестерпимым жаром, а порой зной разрешался свирепыми грозами с громом, градом и ливнем. Все стихии, все обстоятельства словно сговорились предостеречь их — повернуть назад, пока не поздно, ибо на деле они пока едва переступили порог равнин.

Весенние дожди местами размягчали почву, так что в речных долинах порой приходилось мостить гати. Высокая вода делала опасными и трудными даже мелкие броды, и все знали, что между ними и Платтом лежит несколько сильных и своенравных рек, текущих в целом на юго-восток, которые великой орегонской дороге неизбежно предстояло пересечь.

Они всё ещё находились в восточной части нынешнего штата Канзас, одной из прекраснейших и щедрейших по плодородию частей страны, как утверждали все ранние путешественники. Земля лежала чередой обрамлённых лесом долин и открытых прерийных гряд. Рощи ореха, дуба, гикори, вяза, ясеня попадались сперва часто, постепенно уступая, дальше к западу, всё большей доле тополя, ивы и осокоря. Белый кизил сменялся зарослями дикой сливы, там и сям разбросанными. Дикие тюльпаны, жёлтые или пёстрые; колокольчик, дикая жимолость, люпины — ещё не совсем в цвету — шиповник и всё гуще встречающаяся дикая роза оживляли непрестанно меняющийся пейзаж. Дичи всякого рода было несказанно много — олени и индейки в каждой низине, тысячи тетеревов на холмах, огромные стаи бекасов и ржанок, даже стайки зелёных попугайчиков, которых тогда водилось немало на этой широте. Реки изобиловали промысловой рыбой. Вся природа была щедра и снисходительна.

Мужчины и женщины сетовали, что оставляют лежать впустую такую богатую и прекрасную землю. Никто из них не видал края привлекательнее. Многих охватывали и чувства нежности, и грусти. Тоска по дому ещё не отпустила. Это напряжённое состояние нервов, вкупе с тяготами пути, порождало то физическое раздражение, что неизбежно в любом деле неопытных первопроходцев. Путаница, разлад, возникавшие из-за самых пустячных обстоятельств, перерастали в раздражительность, неучтивость, перебранки и интриги, как случалось и во многих других, более ранних караванах. В вавилонском гвалте утренних сборов, среди рёва и беготни скота, увиливающего от ярма, теперь всё чаще проявлялись себялюбие и всё реже — дружеская уступчивость, и люди встречались, не здороваясь, даже так рано в пути.

Идею о четырёх параллельных колоннах давно оставили. Строй распался, и порой длинный караван, растянувшись по впадинам и возвышенностям прерии, тянулся отрядами по миле длиной, каждый из которых час от часу становился всё угрюмее и всё независимее. Загнанные волы теперь начали падать. К тому времени, как достигли настоящих прерий, погибло уже больше двух десятков волов. Они повторяли путевую историю, засвидетельствованную путешественниками того времени.

Личные и семейные неурядицы тоже делали разделение всё более естественным. Многие страдали от лихорадки; горячка была весьма обычным делом. Одна старуха за семьдесят лет однажды ночью умерла и была похоронена у обочины на следующий день. Через десять дней после выступления у одной пары, направлявшейся в Орегон, родились близнецы. Немало было маленьких детей, многие на руках, и они заболели. По той или иной причине фургоны то и дело выбывали из строя. Иным приходилось трудно поспевать за остальными, необъезженные

волы явно страдали под грузом, слишком тяжёлым для их тягловой силы. Это отнюдь не было единой, сплочённой армией, эта устремлённая на запад волна первых людей с плугами. Всё это тяжким грузом ложилось на душу Джесси Уингейта, который день ото дня становился всё мрачнее и суровее.

По мере продвижения каравана начали появляться стада антилоп. Полосатых прерийных сусликов сменили поселения бесчисленных лающих луговых собачек, любопытных для глаз новоприбывших. По ночам вой и рычание серых волков теперь регулярно вплетались в хор койотов и голоса сов и козодоев. Мало-помалу, день за днём, цивилизация оставалась позади, и надобность в организации становилась всё насущнее. И всё же исходный караван практически распался на три отдельных части, не пройдя и полутораста миль от места старта, хотя основная масса каравана держалась при отряде Уингейта и начинала складываться, по крайней мере, в некое подобие терпимости друг к другу.

При хорошей погоде, как писали и другие путешественники, и вправду невозможно было избежать чувства воодушевления от этой смелой, вольной жизни. На вечернем привале открывалась картина, достойная кисти любого художника мира. Продолговатый загон фургонов, белые палатки, множество костров создавали зрелище дивного очарования и силы. Порой в поле зрения одновременно, под охраной на вечернем выпасе по свежей молодой траве, могло находиться до двух тысяч голов скота. В фургонном селении мужчины, женщины и дети хлопотали по хозяйству, точно у себя дома. Праздности в караване было немного, и в самом деле, среди людей царили немалая серьёзность и благочестие. У одного костра молодые парни могли распевать старые довоенные баллады про Граймса и другие потешные куплеты; но с равной вероятностью тут же рядом можно было услышать, как какое-нибудь семейство поёт священные гимны. Странную картину являло всё это, в странной обстановке, в новой атмосфере, здесь, на пороге пустыни.

ГЛАВА XII. ПОВЕСТЬ МЁРТВЫХ

Дикий край, теперь уже совсем рядом, вскоре дал о себе знать. Конные разведчики Уингейта выехали перед полуднем одного из дней, намереваясь выбрать место для лагеря у брода Биг-Вермилион. Пройдя вперёд четыре мили, они неожиданно столкнулись с разведчиком миссурийской колонны Биллом Джексон, который обогнал уингейтовский караван по своему собственному короткому пути, отправившись вперёд в одиночную разведку. Теперь он мчался галопом, и то, что он сказал, послало их всех обратно во весь опор к голове уингейтовской колонны.

Джексон, скача впереди, подъехал, подняв руку в знак остановки.

— Боже мой, кэп, останови караван! — крикнул он. — Женщинам и детям нельзя видеть то, что там впереди!

— Что стряслось — где? — потребовал ответа Уингейт.

— В трёх милях, у воды, где они стояли позапрошлой ночью. Там десять человек, а прочие пропали. Фургоны Вудхулла, да только его самого там нет. Фургоны сожжены, мулы стоят со стрелами в боках, остальные все мертвы, кроме немногих. Это пауни!

Начальники колонн все разом пустили коней вскачь вперёд, увидев первыми то, что позже увидел и почти весь остальной караван, — мерзостное зрелище индейской войны на равнинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.